

Владимир ДАНИХНОВ

ЧУЖОЕ

Владимир Данихнов

Чужое

«Книма»

2005

Данихнов В. Б.

Чужое / В. Б. Данихнов — «Книма», 2005

Перед вами развернется психоделическое повествование, где одна иллюзорная реальность оказывается вложена в другую, та – еще в одну и так до самого конца. Каждая из этих иллюзорных реальностей строится по законам сновидения с отдельными яркими деталями, расплывающимся фоном, а поведение персонажей, достоверное в каждом отдельном слове и жесте, абсурдно в целом. Умопомрачительная фантастика – острая, язвительная, оригинальная. Роман получил «Дебют 2006», еще даже не будучи изданным. К сожалению купить в России эту книгу практически невозможно.

© Данихнов В. Б., 2005

© Книма, 2005

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	19
Глава четвертая	25
Глава пятая	35
Глава шестая	38
Глава седьмая	48
Глава восьмая	53
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	55
Глава первая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Владимир Борисович Данихнов

Чужое

(Выхолощенная цензурой версия)

*Посвящается классикам,
философам, мыслителям и другим
производителям цитат, имен которых
автор, к стыду своему, никак не может
запомнить*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУЖОЙ РАЙ

Посвящается солнцу, которое светит для всех

Глава первая

Шилов затянулся, наблюдая за вертолетом, исчезающим в грохоте и едком дыму. Три, два, один – и нет уже никакого вертолета, а небо снова синее, и оранжевая пичуга машет крылышками чуть левее солнца, которое жарит сегодня так, что плавится асфальт, а листва на деревьях жухнет и, натурально, в трубочки сворачивается.

Шилов затянулся насколько хватало легких и закашлялся. Сел на корточки, левой рукой загородив лицо от солнца, правой схватил недокуренный бычок и с яростью вмял его в горячий асфальт. Затухнул. Поднялся, шелчком указательного пальца отправил окурочек в желтобокую урну, промахнулся и вздохнул: э-эх... в смысле, не «эх-х» он произнес, конечно, а «бля», но цензурой это слово было вырезано.

– Что, Шилов, опять опоздал? – насмешливо протянул Проненко. Шилов посмотрел влево, внимательно оглядел ехидную Колину физиономию, зацепился взглядом за нос, похожий на воробьиный клюв, за выгоревшие на солнце брови и небритый подбородок и сказал:

– Тебе, Проненко, лишь бы ехидничать. Ты ведь и сам опоздал.

– Не опоздал я, Шилов, нет, – ослабившись, ответил Проненко. – Я всегда как бы вовремя прихожу.

– Чего тогда в вертолет не садишься?

– А зачем? Я у стеночки, как бы в тенечке посижу, за погрузкой понаблюдаю, с девчонками позубоскалю – большего мне как бы и не надо.

– Подонок ты, Проненко.

– Как бы подонок, – легко согласился Проненко, развернулся и пошел к дому. Дом был большой, трехэтажный, красного кирпича, с входными дверями из дымчатого стекла, с двумя изогнутыми фонарями над округлым жестяным козырьком и флюгером-петушком на покатоной крыше. Окон в доме было много и все разных размеров, формы и цвета.

– Подонок! – крикнул Шилов вслед Проненко и сплюнул от досады. Ему хотелось еще немного поболтать с Проненко, но тот ушел, и Шилову стало очень скучно и одиноко. К тому же, он чувствовал какой-то смутный диссонанс с окружающим миром, потому что на самом-то деле назвал Проненко не «подонком», а «сучарой пришибленным» или кем-то вроде того.

Он попробовал закурить новую сигарету, но курить не получалось, от дыма першило в горле, и вместо того, чтоб наслаждаться вкусом крепчайшего табака, Шилов вспоминал, в каком шкафчике спрятал лекарство от кашля.

Он поднялся, выкинул недокуренную сигарету в урну (опять промахнулся) и окинул окрестности тоскующим взглядом. Смотреть в этом районе было не на что: асфальтовый пятак, разлинованный на квадраты белой краской, типовые кирпичные дома, жмущиеся друг к другу по периметру площадки.

Скука и жара.

Загребая кроссовками мятые бумажки, Шилов свернул с площадки на тихую улочку, у обочины которой росли клены и акации. В тени все равно было душно. Парило, как перед грозой. Шилов шагал, рукою ведя по низкому заборчику, и размышлял, какая Проненко все-таки скотина. Хотя, нет, не скотина. Проненко – сволочь беспринципная, которая раз сто уже

могла улететь на вертолете, но не улетела, а вместо этого при случае дожидается его и язвит в лицо, шутки неуместные отпускает. Хотя, положим, в чем он, Проненко, не прав? Во всем прав и зубоскалить право имеет, потому что пришел вовремя, а Шилов как всегда опоздал, причем опоздал без всякой видимой причины. Проснулся задолго до часа икс. Сварил в турке кофе, выпил, разгоняя остатки сна. На ноги натянул старенькие кроссовки со стертymi носами, в которых так удобно и весело шагается. Вышел за полчаса до старта вертолета. От дома до площадки – десять минут ходьбы спокойным шагом.

Почему ты опять не успел, Шилов?

Раздражаясь на самого себя, он с разбегу пнул изгородь, отчего за оградой зашелестела трава, а из кустов смородины выпорхнули юркие птички с оранжевыми перышками, громко зачирикали и улетели в синее небо. Шилов проводил их взглядом, и была в его взгляде вселенская тоска и ничего кроме вселенской тоски.

– Почему же ты опоздал, Шилов, сучий потрох? – сам у себя спросил он и сам же ответил:

– А потому ты опоздал, Шилов, что вместо того, чтобы глобально людям помогать, всякой мелочью увлекаешься. Ребята сейчас надрываются, делают что-то полезное, а ты... Запомни, Шилов, если завтра не успеешь, я попрошу Проненко, и он тебя тумачами от души угостит, потому что давно хочет тебя мордой в асфальт впечатать, по глазам его бесстыжим видно. Но боится. Он ведь мелкий в душе человечиска, как тля та; однако, если ты ему, Шилов, чистосердечно пообещаешь не давать сдачи, он все в лучшем виде исполнит. Как говорится в басне Эзопа: «Человек человеку – волк».

Ребята для нехитрых своих увеселений как обычно заняли дом напротив. Дом был большой, двухэтажный, с остекленной мансардой, с выбеленным до прозрачной синевы левым крылом. Дом был оплетен диким виноградом до самой крыши. В погребе дома хранились изысканные вина в запыленных глиняных бутылках и неизысканный самогон в бутылках обычных, зеленых. Во дворе стояла деревянная беседка, внутри которой раздвигал стены большой дубовый стол, покрытый окурочными ожогами, замасленный. Чем-то особенным веяло от стола, хотелось немедля забыть обо всех своих заботах, сесть за него и напиться до состояния душевного равновесия – проще говоря, нажраться в сопли.

Все в доме было для того, чтобы здорово погулять, отдохнуть и сердцем, и душой.

Когда Сонечка заиграла на гитаре, Шилов уткнулся носом в хрустящую наволочку и закрыл широкими ладонями уши, стараясь заглушить музыку, но музыка все равно просачивалась и ласково просила: «Братишка, убери-ка руки... убери, послушай...» Сонечка пела про любовь, ребята подпевали ей, и Семеныч подпевал тоже, а потом кричал: «Ребята, а ведь здорово мы поработали, кучу народу спасли!» И ему нестройно отвечали, мол, да, здорово, и еще поработаем, потому что людям всегда готовы прийти на выручку. Завтра с петухами встанем и – помогать, ёпт. Потом Сонечка снова истязала струны и напевала о самопожертвовании, а голос ее после какого-то количества опрокинутых рюмок стал пропитым, прокуренным, и вскоре совсем охрипла она, но все равно сипела про самопожертвование и несчастную любовь. Ей подпевали пьяными голосами, а Семеныч вдруг хлопнул себя по коленям и закричал:

– Эй, а где Шилов? Шилов где? – К сожалению, подлая цензура заставила автора книги вырезать слово «ёптвоюмать», которое находилось аккурат между двумя запятыми.

– Стыдно ему... – ответил кто-то, и Шилов узнал голос Проненко. Вот ведь, подумал Шилов, сволочь, никогда никуда не летает, а туда же – пьянствует со всеми и доносит.

– Почему стыдно? – удивился Семеныч. – Какого, прости Господи, черта?

– А вот так, – ответил меланхолик Проненко и попросил Сонечку:

– Ты, Сонечка, не останавливайся, как бы играй. – На самом деле Проненко хотел, конечно же, сказать: «Я мечтаю тебе засадить, Сонечка» – но постеснялся, не сказал.

– Непорядок! – завопил Семеныч и стукнул волосатым кулачищем по дубовому столу, отчего, звеня, подпрыгнули в воздух рюмки.

– Да-да, – скучая, ответил Проненко.

– Непорядок! – проревел Семеныч и затопал тяжелыми ботинками по асфальту.

Он перебежал узкую улочку и загрохотал в дверь кулаками, заставляя ее, дверь эту, скрипеть и болтаться, прогибаясь внутрь. Шилов не стал отвечать, повернулся на другой бок, крепче обнял подушку и с тоской поглядел в запыленное окошко на полную серебряную луну, на пичуг оранжевых, которые сидели, сонные, на изгороди и острыми клювиками водили из стороны в сторону. На звезды мерцающие любовался Шилов, а Семеныч стучал и орал:

– Шилов, ёптвоюмать! Открывай! Ну сколько можно... Аааа... да пошел ты! – Глазастый читатель может заметить, что здесь цензура промахнулась мимо «ёптвоюмать». Что ж, этому есть объяснение: цензор тоже человек и может сесть в лужу.

Семеныч ушел, и гуляние народное возобновилось. Сонечка и Проненко пели дуэтом, и голос Сонечки стал как у классика Владимира Высоцкого, а голос Проненко стал как у какого-то техно-попсового певца, которого Шилов ненавидел когда-то, в прошлой жизни, но потом забыл за что, собственно, ненавидел и фамилию его тоже запамятовал. Певцам подтягивал Семеныч, и слова, выбирающиеся из его луженой глотки, сливались друг с другом и превращались в самый настоящий медвежий рев. Потом его голос и голоса остальных стали тише, и еще тише, и еще, и, наконец, певцы замолчали. Стало слышно, как украдкой звенят рюмки, и кто-то матерится вполголоса, опасаясь лишним словом нарушить очарование летней ночи, но совсем не ругаться все-таки не может.

Шилов, простой русский парень, ворочался и считал до ста, а потом до тысячи, но часто сбивался и не мог поэтому уснуть. Вскоре Шилов окончательно перехотел спать. Он начал считать в уме овец, но мериносы путались в ногах и перемешивались с вялыми мыслями, что самым нахальным образом лезли в голову и не хотели ее покидать. Шилов плюнул, растер пяткой, поднялся и в одних трусах прошлепал на кухню. Оцарапал голую пятку о щепку, торчавшую из порога, выругался (Что-то вроде: «Вот же пляцтво» – но я не уверен). Пятка заболела, и Шилов допрыгал до рукомойника на одной ноге. Ополоснул лицо, набрал воды в сложенные ковшиком ладони, выпил. Вода была теплая и неприятная на вкус, пахла плесенью. Шилов, раздражаясь все больше, сплюнул в раковину. Тщательно вытер лицо и прошел к черному ходу – крепкой двери, сбитой из широких дубовых досок. Вышел на задний двор, где с наслаждением подставил лицо под свежий ветер.

Отсюда открывался замечательный вид на поля, на высокий холм, заросший пореем и лебедой, на деревянный крест на верхушке холма.

Приглядевшись, Шилов заметил рядом с крестом чей-то силуэт и матюгнулся: опять! Он забежал в дом, накинул на плечи шведку, влез в джинсы и вышел на улицу. Открывая калитку, сообразил, что забыл обуться, но возвращаться не захотел и босиком побежал по песочной тропинке на вершину холма.

Валерка подставил к кресту табуретку, взобрался на нее и прижался спиной к высушенному дереву. Левую руку прижал к перекладине креста ладонью наружу. Старался привязать ее просмоленной бечевкой, но получалось у него плохо, точнее – ничего не получалось. Валерка плакал, шмыгал носом и косматил нервными пальцами редкие волосы.

Шилов остановился в трех шагах от креста, перевел дыхание, сел по-турецки и стал ковырять обгрызленным ногтем пятку, чтобы выдернуть занозу. Он весь ушел в процесс извлечения щепки и не поднимал головы. Валерка маялся с веревкой, неразборчиво ворчал под нос, но вскоре не выдержал и сказал:

– Раз пришел, чего сидишь? Помог бы!

Шилов не ответил, ковырял в ноге с двойным усердием, расцарапывал кожу, надеясь быстрее вынуть занозу.

– Я к тебе, мля, обращаюсь! – Стеснительный Валерка, по профессии – бывший сантехник, даже в такой ситуации не мог произнести твердо и по-пролетарски: «Бля!»

Шилов опять промолчал. Вытянул занозу, уронил ее на землю и посмотрел в небо, а небо было красивое, праздничное, расстрелянное яркими звездами, и Шилов вспомнил, как выезжал на речку с друзьями когда-то. Денег у них не водилось, они жгли костер чуть в стороне от базы, играли по очереди на старой раздолбанной гитаре (к гитаре была приклеена переводная картинка с восхитительной блондинкой) и пили водку до утренних петухов, которых, впрочем, и в помине не было.

Они почти не хмелели, потому что ночью у реки всегда холодно, и алкоголь быстро выветривается. Девчонки жались к парням, и это было очень здорово. А затем постриженная под парня девушка в джинсовой рубашке брала в руки гитару и ударяла по струнам. Пела и играла неумело, как Сонечка, но всем нравился ее простуженный голос, и Шилову тоже нравился. Он смотрел вверх и видел небо с миллионом ярких звезд, а потом смотрел на черную, как смола, воду и видел миллион отраженных ярких звезд, и это тоже было очень здорово.

– Шилов, мля... – негромко позвал Валерка.

– Чего, Валерк? – также тихо спросил Шилов и перевел взгляд на обиженно сопящего, похожего на Колобка толстячка Валерку.

– Я – дурак?

– Не знаю, – честно ответил Шилов, вынул из кармана пачку сигарет и протянул Валерке:

– Будешь?

– Не курю, мля, – ответил он, взял сигарету и неумело прикурил. Шилов тоже закурил, и два новых огонька загорелись на вершине холма. Два новых дымка потянулись навстречу ночному небу.

Шилов развернулся и, обхватив руками колени, стал смотреть на их маленький городок, а Валерка оттолкнулся рукой, подвинулся к нему поближе и тоже стал смотреть. От Валерки пахло душистыми весенними травами и смолой. Город под холмом казался темной безмолвной громадиной, чудовищем, что незваным пришло на эту тихую равнину. Только в двух или трех окнах горел свет. Придушенно играла гитара за домами.

– Красиво, – выдохнул Шилов.

– Я хотел повисеть на кресте, – извиняющимся тоном сказал Валерка, – совсем недолго хотел повисеть, мля, а потом собирался слезть, и за это время, наверное, что-то изменилось бы, отчего нам всем стало бы лучше. И не только нам, мля.

– Все-таки ты – дурак, Валерк. А знаешь, Валерк, как стало бы хорошо, если бы во всех окнах, ну то есть не во всех, но во многих загорелся бы свет, и зашумели бы люди. Я б тогда мог поселиться в любом доме, необязательно в том, напротив которого собираются Семеныч, Соня и компания, а в любом, по-настоящему любом, и везде не получалось бы у меня уснуть из-за людского шума.

– Если бы я повисел на кресте, так могло стать, мля. Я просил и Соню, и Семеныча, и тебя часто просил, но вы не хотите прибавать меня к кресту гвоздями, поэтому я, как дурак, пытаюсь привязать себя веревками. Сам. Это обидно, млин.

– Не поэтому ты – дурак, – тяжело вздохнул Шилов и затушил сигарету о кочку. – Вовсе не поэтому, Валерка. Знаешь, как Чехов говорил? «Человек, если дуб, то это навсегда».

– Не верится, что это Чехов сказал, мля, – протянул Валерка.

– Да какая, собственно, разница?

Шилов поднялся, помог встать Валерке и повел его, осунувшегося и осевшего, как полупустой мешок с картофелем, к гитарным аккордам и электрическому свету. Звезды продолжали светить им в спину, ветер превращал высокую траву в серое море, рябил его, море это, гундосил, скрипя разбросанными тут и там корягами, насвистывая в норах, вырытых полевым зверьем.

Глава вторая

Шилов проснулся перед рассветом.

Подставив горячую шею под кран, он вымыл голову, смочил холодной водой живот и спину. Не вытираясь, надел белую хлопковую майку и шорты. Пошел к Семенычу. Семеныч как всегда остался сидеть за столом в надменном одиночестве, уставившись на батареи пустых бутылок и пирамиды грязных тарелок. Он стучал костяшками пальцев по столешнице и бормотал: «Вихри враждебные... веют над нами... вихри...»

Шилов присел рядом, взял початую бутылку, плеснул в стопку водки, опрокинул в рот. Водка за ночь остыла, и Шилов не почувствовал жгучего вкуса, а только прохладу во рту и приятное тепло в желудке. На душе стало легче.

– Я вот по какому делу, – сказал он без предисловий. – Валерка вчера опять на крест полез.

– Надоела водка, – сказал вдруг Семеныч. – На гашиш что ли перейти?

– Зачем на гашиш? – удивился Шилов.

– Что?

– Гашиш тебе зачем?

– Да незачем, в общем, просто скучно, хоть волком вой. А колоться, нос-понос, неохота.

Семеныч замолчал и посмотрел на дорогу через высокий заборчик, и Шилов тоже поглядел туда, но ничего особенного не увидел, потому что дорога была такая же, как всегда, пыльная, в паутине трещин. У обочины скопилось порядочное количество мусора: веток, нанесенных после грозы, этикеток и окурков, накиданных Семенычем и компанией.

– Убраться бы надо, – сказал Семеныч. – Ужас как ненавижу беспорядок, вот только убирать с малолетства не приучен. Пар-радокс, – мрачно добавил он.

– Подметем. Как раз Валерку припряжем, займем парня делом. С головой у него все хуже и хуже становится, без дела ему никак. Я его займу.

– Займешь, – кивнул Семеныч, выпил водки и нахмурился:

– Ты почему не открыл, когда я в дверь вчера стучал?

– Может, как раз на холме был, с Валериком общался? – солгал Шилов. – Вот и не услышал.

– Может, и был. Может, и не услышал. Но мне кажется, что ты лежал в постели, уткнувшись носом в подушку, и не хотел открывать, потому что тебе стыдно стало из-за того, что на вертолет каждое утро опаздываешь и не попадаешь на работу вместе со всеми.

– Может, и так, – согласился Шилов, и они оба замолчали и посмотрели на дорогу, на которой как раз появились призрачные воинства. С одной стороны дороги маршировали солдаты в серой армейской форме с автоматами в огрубелых руках, а с другой уныло плелись призывники в зеленой армейской форме с погонами на пуговицах, в пилотках с вышитыми звездами – эти сжимали в руках винтовки с примкнутыми штыками.

Солдаты остановились в пяти метрах друг от друга и подняли оружие. Стреляли в строгой очередности, хотя в чем именно эта очередность заключается, понять было невозможно. Падали солдаты тоже по какому-то своему ужасному плану, падали беззвучно, и в стороны брызгами разлеталась серая призрачная кровь, а в пыль летели эфемерные головные уборы и иллюзорные автоматы. Казалось, пыль вздымается там, где они падают, но это всего лишь утренний ветерок дул с холмов и поднимал пыль.

– Сер-рые победят, – сказал Семеныч, хотя это и так было ясно, но Шилов кивнул и подтвердил:

– Да, серые победят.

– Они всегда побеждают, бля, – сказал Семеныч, и Шилов снова согласился: да, мол, победят, бля, всегда так и происходит. А потом они закручено и со вкусом, как истинные русичи, выругались.

И серые вправду победили, хотя потеряли народу прилично, а там, где раньше стояли зеленые, покоились их призрачные трупы, и ветерок, казалось, шевелит волосы призывников и надувает форму, забираясь в рукава и воротники. Шилову подумалось, что зеленые солдаты очень молоды, что им нет и двадцати, и лица чаще мальчишечьи, безусые. Он посмотрел на серых, и почудилось Шилову, что те стыдятся и отворачивают лица. Потому что они-то воины подготовленные, в боях закаленные, хотят встретить достойного противника, а воевать приходится против птенцов желторотых.

Восходящее солнце хлестнуло по дороге желтыми лучами. Призрачные армии растаяли. Семеныч поднялся, хлопнул Шилова по плечу и прогудел:

– Ты, Шилов, немедленно к площадке вертолета топай и тогда верно успеешь, а я пойду ребят р-растормошу.

– Хорошо, – пробормотал Шилов, настроение которого после призрачной бойни вконец испортилось. Вроде не впервые наблюдать пришлось, а все равно огорчился, да и зеленых жалко было; впрочем, и серых не меньше.

– Ну что за чертовщина! – рявкнул Шилов, топнул ногой об асфальт и поглядел вокруг с яростью. Гнев свой он хотел выплеснуть на безмятежного Проненко, который смотрел вслед улетающему вертолету и улыбался, грызя ноготь на большом пальце, но вспомнил утреннюю битву призраков и, сбавив тон, пробормотал:

– Нет, это не дело.

– Конечно, не дело, – усмехнулся Проненко и подмигнул ему: – Снова опоздал?

– Не твоего ума...

– Видел я, как ты с раннего утра Валерку напрог дорогу подметать и коряги убирать, а сам к площадке пошел. Так даже он, Валерыч, прибрался, мусор на свалку отнес и успел на вертолет, а ты, Шилов, чего ж? Где мог так задержаться?

– Смотрю я на тебя и думаю, Проненко, откуда ты, подлая скотина, здесь взялся...

Проненко хрюкнул, сунул руки в карманы и сказал:

– А вот такой я!

– Нашел чем гордиться.

– Ну, для чего-то я ведь нужен, Шилов, правда? Веселить вас всех тут собравшихся или для иного, но надобен.

– Дурак ты, Проненко...

– Это ты Валерку дураком зови, – злобно ответил Проненко: – А меня как бы не имеешь никакого права так называть.

– Когда ты все слышать успеваешь? – выдохнул Шилов, щеки которого от стыда порозовели. Неужто Проненко и вчерашнего «сучару» слышал? Стыдно-то как!

– Успеваю... – Проненко повернулся лицом к своему дому с окнами разноцветными. – А ты, чем скучать весь день, по городу как бы прошвырнись, Сонечку как бы разыщи.

– Она не полетела? – спросил Шилов, щеки которого натурально запылали после этих слов.

Проненко не ответил. Он сгорбился и под палящими лучами пошел к своему дому, и вблизи, со спины, Проненко напоминал древнего старика, а издали – серую сучковатую корягу, которую случайно прибило к берегу, и она, как слепой котенок, тычется в него, не умея снова вернуться на середину многоводной реки. Тошно на душе стало Шилову от невеселых мыслей и захотелось крикнуть: Проненко, а пойдем пивка выпьем или там водочки хряпнем, поболтаем, помиримся. Но он не крикнул, а Проненко скрылся в подъезде, над козырьком которого день и ночь горели два старинных, причудливо изогнутых фонаря. Шилов посмотрел на дверь и

вспомнил, что вчера она была из стекла, а сегодня, глядите-ка, металлическая, с врезанным вычурным глазком, что будто из янтаря отлит.

– На хрена ты везде это дурацкое «как бы» вставляешь?! – закричал Шилов изменившемуся дому. Изменившийся дом, конечно, в ответ мог послать нашего героя на хрен, не твое дело, мол, но он был всего лишь бездушным домом.

Он увидел Сонечку сразу, только свернул в тихий переулок. Она шла вдоль обочины, останавливаясь возле каждого двора, и подолгу вглядывалась в окна пустых домов. Седые волосы облепили молодое, но уже изрытое морщинами лицо; глаза Сонечки, обычно мутно-зеленые, казались изумрудными, а загорелые до черноты руки крепко вцеплялись в кромку забора. Глядела она на дома подолгу, неотрывно, а потом снова шла вперед. Шилов следовал за ней: любовался Сонечкиной точеной фигурой и стройными ножками. Только Сонечкиными седыми волосами любоваться не выходило, потому что Шилову становилось грустно, когда он смотрел на них.

Соня остановилась возле маленького дома белого кирпича с плоской крышей и расшатанной деревянной пристройкой для хранения всяческого барахла, и Шилов тоже остановился, а она вдруг вздрогнула и обернулась; приставила ко лбу ладонь козырьком – от солнца – и пробубнила:

– А, это ты...

Шилов подошел к ней и остановился в двух шагах, не зная, что сказать. Соня отвернулась к дому, прижалась грудью к изгороди и что-то высматривала в окнах. Шилов поглядел туда же: окна как окна, обычные деревянные рамы и чистые, свежевывмытые, стекла, да и сам домик заурядный, ничем не примечательный – с обыкновенной фанерной дверью и крышей, покрытой самой рядовой черепицей. Песочная стежка ведет к домику, рядом с дорожкой сорные травы растут, а чуть дальше – яблони кривыми ветками к небу тянутся, и старый, разрушенный с одной стороны, колодец стоит; колесо от телеги рядом с ним валяется.

– Ты кого-то ищешь, Соня?

Она посмотрела на него и не ответила, отлепилась от забора и пошла дальше. Шилов шел за ней, проклиная палящее солнце, и мечтал о грозе, о ливне, о Сонечкиной ладной фигурке тоже мечтал немного; в мечтах хотел обнять Соню, прижать к себе, и чтоб проливной дождь вокруг, гром, молнии, но стеснялся и поспешно гнал такие мысли прочь. Задумавшись, чуть не натолкнулся на Соню, которая замерла столбом посреди дороги, дожидаясь его.

– Зачем за мной идешь? Зачем, скажи?

– Помочь хочу, – ответил Шилов, растерявшись.

– Вчера во время вылета я видела своего малыша. Я видела моего кроху, и был он уже седой и старый, пускал слюни, нашептывая бессмыслицу какую-то, потому что впал в маразм, а я никак не могла помочь ему, и он умер на моих глазах.

– Ты думаешь, он...

– Я ничего не думаю! – крикнула Сонечка и расплакалась. Шилов подошел к ней сзади, обнял, а она не отстранилась, как обычно, но и не прижалась в ответ, просто стояла и рыдала. Шилов пытался утешить ее, но слова подбирались с трудом, и он больше молчал. Сонечка плакала громче, почти навзрыд, когда Шилов что-то говорил, потому что знала, что он чушь городит, и Шилов это тоже понимал, и, смущаясь, умолкал. А потом сказал ни с того ни с сего:

– Сонь, хочешь, к речке рванем? Там хорошо, прохладно, жары проклятой нет!

– Не хочу, – шепнула Сонечка. – Давай.

Они сидели на берегу, и Шилов думал, что неплохо бы искупаться, но раздеваться стеснялся, потому что Соня сидела все еще пасмурная. Что она подумает, если он стянет с себя одежду и начнет плескаться? Поэтому Шилов не раздевался, и даже шведку не снял. Когда молчать стало нестерпимо, он сказал:

– Это даже хорошо, Соня, что ты своего сына не нашла.

– Я знаю, – шепнула она.

– Ведь если б ты нашла его, пускающего слюни, нам бы пришлось его в печальный дом отвести, и ничего хорошего из этого не вышло бы...

– Я знаю! – произнесла Соня с нажимом и посмотрела на Шилова с такой яростью, что он захотел отсесть в сторонку и с немалым трудом удержался, чтобы все-таки не передвинуться. Соня повернулась к речке лицом. Вода заиграла отблесками на ее загорелом лице, рыжий солнечный свет отразился в ее глазах. Шилов подумал, что ему мешает то глупое чувство, которое он испытывает к Сонечке, что если бы не оно, он бы давно сумел помочь Соне, убедил бы ее, как это глупо – надеяться встретить сына здесь, в городе.

– Соня... – тихо позвал Шилов, но она не ответила, подняла с песка камень-голыш и запустила его, размахнувшись, в реку. Шилов следил за камнем, который скакал по воде и не тонул, и считал, сколько раз камень успеет подпрыгнуть. Соня шевелила губами и тоже считала. Камень булькнул и пошел на дно, и Шилов сказал:

– Шесть.

– Нет, семь, – возразила Соня.

– Шесть, точно тебе говорю!

– Семь, и не спорь.

– Но почему?

– Потому что семь. Я так хочу.

– Угу. Но все же шесть.

– С женщинами нельзя спорить!

– Шесть.

– Ах, так! – разозлилась Соня и кинулась на него с кулаками, но он успел отскочить, и Соня шлепнулась животом в песок. Шилов наклонился к ней, чтобы помочь подняться, но она резво перевернулась на спину, схватила Шилова обеими руками за щиколотку и дернула. Он тоже повалился в песок, и они боролись, измазываясь в мокром песке все больше и больше, а потом уже не злились, а смеялись, но все равно продолжали бороться. В конце концов, Шилов, голую пятку которого больно оцарапал камень и который едва сдержался, чтобы не сказать «ёптвоюмать», поддался, и Соня оказалась сверху. Она сидела, упершись руками в плечи Шилова, а он держал ее за талию и смотрел в ее водянистые глаза, на розовую родинку на скуле, а Соня смотрела на него, внимательно, не отрываясь, а потом сказала:

– Вот что, Шилов, надо нам охладиться немного, а для этого – искупаться.

Она поднялась на ноги, повернулась к нему спиной и сняла майку. Под майкой у нее ничего не было, и Шилов увидел два заживших шрама на Сонечкиных лопатках. Он поднялся и нежно прикоснулся к ее плечам. Соня замерла, а он повел руками ниже, обвел шрамы подушечками пальцев и спросил:

– Не больно?

Она дернула плечом, и Шилов убрал руки. Сонечка стянула шортики, под которыми оказались черные атласные трусики, и Шилов вздохнул, сам не понял отчего: то ли потому, что хотел, чтобы трусиков не оказалось, то ли, наоборот, от облегчения. Кто знает, что ему пришлось бы делать, если б трусиков не оказалось, и как бы пострадало от этого его чувство к Сонечке.

Сонечка топнула ногой, отбрасывая шорты в сторону, поежилась и побежала напрямик к речке; завизжала, врываясь в холодную воду, остановилась, присела, зачерпнула воды, облила себя с ног до головы, фыркнула, нырнула и поплыла. Шилов через голову стащил шведку и собрался снять джинсы, но вспомнил Сонечкины шрамы, вспомнил, что у него такие же и остановился. Накинул шведку на плечи, завязав рукава узлом на груди, сел на песок, руками обхватив колени, и следил за плещущейся Сонечкой, а сам заходить в воду не торопился.

Она кричала ему:

- Заходи, вода прекрасная!
Он отвечал:
– Что-то не хочется!
– Не слышу! – кричала она. – Заходи быстрее!
– Не хочется! – кричал он.
– Что?
– Не хочется!!
– Все равно заходи!
– Нет!
– Глупый, вода прекрасная!
– Семеныч, кстати, на гашиш собрался переходить!
– Что?
– Ладно, неважно...
– Гашиш?
– Что?
– Гашиш, кстати, курят или едят?
– Не знаю!
– Может, колют?
– Не знаю!
– Тогда иди купайся!
Он молчал.

Сонечка вскоре устала и вышла на берег. Шилов старался не смотреть на ее загорелую кожу, покрытую мурашками, на ее крепкую грудь с коричневыми сосками и на капельки воды, покрывавшие ее тело, делая его еще соблазнительнее. Шиллову хотелось подойти к ней и стереть ладонью капельки, но вместо этого уставился на песок и рисовал пальцем слово, а волны набегали на слово и подтирали его, как плохой ластик, но Шилов упорно подводил стертые буквы. Тень накрыла слово. Шилов поднял глаза и увидел Соню, которая была очень близко. От Сонечки пахло речной водой, ее зеленые глаза завораживали.

– Эй, Шилов, – нежно шепнула Сонечка, – ты так спешишь всем помочь... но мне кажется, тебе самому помочь надо.

- Почему?
– Ты как ребенок, Шилов.
– Я – взрослый мужчина.
– Никакой ребенок не признает, что он ребенок. Я красивая, Шилов?
– Тонкость ума лучше, чем красота тела, как сказал Пушкин в «Онегине», – пробормотал

Шилов и тут же мысленно обозвал себя ослом. Сказать такое девушке!

Но Соня лишь рассмеялась:

- Глупый, это не Пушкин сказал, а Эзоп. Я знаю, потому что его басни очень люблю.

Он виновато улыбнулся. Соня отвернулась, подхватила с песка майку и надела ее. Шилов снова посмотрел вниз и увидел, что вода полностью стерла слово. Он попытался вспомнить, что именно писал, но не сумел.

Этой ночью стало прохладнее. Оранжевые пташки растопырили перышки, запирая тепло в своих тельцах, округлились и сделались похожими на ежиков. Шилов наблюдал за ними в окно, а потом взглянул на потолок и подумал, что надо побелить его и закрасить все трещины, и помыть люстру тоже, кстати, неплохо бы. И сорвать паутину, лохмотьями свисающую по углам. Стереть пыль с мебели и книг. Шилов посмотрел на книжную полку: она была забита сочинениями братьев Стругацких. Он попытался вспомнить, кто это такие, но натолкнулся на пустоту – похоже, в его голове осталось слишком мало воспоминаний. Или, может, эти Стругацкие писали что-то неважное, незапоминающееся.

В это время Соня запела жутко старую песню об апостоле Андрее. Шилов заткнул уши, стараясь забыть о ее хриловатом голосе. Он смотрел на потолок и думал, что все это совершеннейший вздор, что надо просто переехать в новый дом, а не ремонтировать этот, что все так делают, один он остается в одном и том же доме уже с год, наверное.

В окно стукнул камешек. Шилов сперва не понял, что это камень, решил, что гуляки чарками звенят нарочно громко, чтоб заманить его к себе, но камешек стукнул опять, стекло зазвенело, и Шилов поднялся. У окна стоял Валерка. Вид у него был всклокоченный, темные глаза горели отраженным лунным светом. Валера подпрыгивал на месте от нетерпения, подмигивал Шилову и пальцем показывал на заднюю дверь: выйди, мол. Шилов тяжело вздохнул и вышел во двор. Здесь было свежо, полная луна делала все вещи серыми, и Валерку тоже делала серым, а лицо его – бледным, и только Шилов оставался разноцветным, потому что стоял под горящей электрической лампочкой.

– Чего тебе, Валерка? – спросил, зевая, Шилов.

– Пойдем за мной, млин! – взволнованно ответил Валерка, оглядываясь и по-гусиному вытягивая шею, будто хотел заглянуть за дом Шилова и увидеть гуляк.

– Да что случилось-то?

– Идем, идем! Ты должен это увидеть, потому что это касается Сони!

– Какое тебе дело до Сони? – угрюмо поинтересовался Шилов.

– Пойдем, мля!

– Ты хоть раз можешь поступить как мужчина, Валерк, и сказать «бля»?!

– Быстрее, млин!

Валерка не хотел ничего объяснять. Шилов, вернувшись в дом, надел брюки, носки и кроссовки. Ему пришлось сбегать на кухню, где он искал таблетки от головной боли, которая пришла, как обычно, внезапно. Не найдя таблеток, Шилов подошел к умывальнику, сполоснул холодной водой горячее лицо и, мысленно проклиная Валерку, вернулся на задний двор. Валерка нетерпеливо переступал с ноги на ногу, смущался и, краснея до корней волос, втягивал голову в плечи.

– Пойдем! – Валерка потянул его за рукав. Шилов послушно потопал за ним.

Они шли через поле. Трава была сухой и высокой, хлестала Шилова по ногам, забиралась в штанины. Валерка бежал уже далеко впереди. Шилов старался не отставать и, спотыкаясь, неся за ним. Вскоре они вышли на дорогу. Слева остался город, темный и необжитый его район, а справа дорога пряталась за покрытыми буйной растительностью холмами. У обочины стоял деревянный указатель – скверно обструганный столб и заостренная деревянная планка со стершейся надписью. Впрочем, Шилов и без указателя знал, куда ведет дорога, а вела она напрямиком к печальному дому.

– И что мы там забыли? – спросил он у запыхавшегося Валерки. Валерка махал руками, мол, сейчас отвечу, но не отвечал, дышал хрипло, в горле у него свистело. Он заходил в кашле и отплевывался. Шилов подошел к нему, наклонился, похлопал по плечу, спросил:

– Слушай, может за водой сбегать?

– Не-ет, – протянул Валерка, встал прямо и сказал уверенно:

– Пойдем. Мля.

– В печальный дом?

– Да.

– Зачем?

– Я знаю, что Соня искала в городе своего сына, – выдохнул Валерка. – Проненко мне сказал. И тогда я уговорил ребят вернуться, млин, пораньше, притворился, что мне нездоровится, побежал по улице, будто бы домой, и увидел, как Дух уводит с собою белоголового старика. Я понял, что это Сонин сын, почувствовал это, понимаешь? У меня случилось предчувствие!

– Погоди-погоди, это значит...

– Это значит, мля, что Дух объявит завтра, что Сонин сын поселился в печальном доме, и Соне станет дурно, поэтому нам надо уговорить Духа, чтобы он не говорил этого, но сам я не смогу никого уговорить, вот и позвал тебя...

Печальный дом серой махиной взметался над холмами, расталкивал их молчаливой своей мощью. Окна горели желтым, словно кошачьи глаза, из открытых форточек доносился чей-то тихий плач, несвязный шепот. В окнах было серо и тихо, лишь иногда темные силуэты мелькали за шторами. Ставни скрипели на ветру, стучали по шершавому серому камню. Дух сидел на скамейке у высоких деревянных ворот, ведущих в дом, и раскуривал трубочку, лениво поглядывая в сторону Шилова и Валерки. Его черные длинные волосы были собраны в хвост, из-под распахнутой шинели выглядывала покрытая вьевшимися желтыми пятнами тельняшка. Ноги Дух вытянул вперед. На ногах у него были портянки, запах от которых шел очень неприятный. Дух знал это и еще дальше вытягивал ноги. Он ехидно улыбался, выпуская изо рта дымные кольца. На плоском камне у скамейки стояли кирзовые сапоги.

Валерка сконфузился, когда увидел Духа, и застыл на месте. Шилов, собравшись с мыслями (а более, хоть и смешно это звучит, с духом), подошел к Духу и заговорил нарочито бодро, хотя никакой бодрости не чувствовал, а чертовски боялся и самого хозяина печального дома и этого проклятого места.

– Здорово, служивый!

– Здорово, Шилов, – лениво протянул Дух и свободной рукой пригладил сальные волосы: – Слушай, Шилов, давно тебя хочу спросить, среди ваших парикмахера нету случайно?

– Парикмахера?

– Ну да, парикмахера. Понимаешь, давно постричься хочу, но не получается что-то, а какой я Дух с такими, с-сука, лохмами? Ножом уже хотел обриться, но подевал его куда-то, а у ваших просить стыдно, только у тебя можно, потому что ты вроде хороший малый, да у этого придурка за твоей спиной тоже можно, но бесполезно, потому что он не ответит ничего, от страха обделается.

Шилов судорожно искал, что ответить, но ставни хлопали, люди за светлыми окнами перешептывались, ветер гудел в водосточной трубе, и Шилов никак не мог собраться с мыслями. От портянок воняло просто невыносимо. Дух, усмехаясь, вытягивал их чуть не к самому носу Шилова.

– Парикмахеров среди наших нет. Вроде...

– Нет?

– Дух, – решил, наконец, Шилов, – мы к тебе, собственно, по делу.

– Да какие у вас дела могут быть? – удивился Дух и выпустил дым Шилову в лицо: – У вас дел не может быть по определению, кроме геликоптера вашего дурацкого, но ведь ты, Шилов, я знаю, на нем не летаешь. А вот вчера, например, у леса на западе из земли оружие поперло: винтовки, гранаты, даже гранатомет один выплонуло – кто это все убирал? Дух! Протянул ему руку помощи кто? Хренушки! Одни на геликоптере летали, другие гольшом в речке купались. А потом? Очередной молчальник появился! Кто-нибудь помог его сюда привести? Нет, сударь, никто не помог! Даже не предложили помочь, не поинтересовались. А он здоровый, с-скотина, еле дотащил. Я ведь самый обычный солдат, Шилов, только и умею, что бухать да родину защищать, таскать на горбу молчальников не обучен. Хочешь на молчальника посмотреть, Шилов?

– Я...

– Пойдем-пойдем! – воскликнул Дух, резво натянул на дурно пахнущие ноги кирзачи, поднялся и потащил Шилова к входной двери. Шилов не успел опомниться, как оказался внутри печального дома. Он оцепенел от страха. Сердце затрепыхалось как рыба в сетях. Глаза смотрели и не видели – до того жутко Шилову сделалось. Но Дух тянул за собой все дальше и дальше, и ничего страшного не происходило. Они шли по коридору, на стенах которого висели нарисованные пастелью натюрморты и осенние пейзажи, под потолком висели хрустальные

люстры, на полу лежал мягкий красный ковер с вышитыми тюльпанами и розами. Встречались двери, за которыми протяжно скрипели половицы. Шилов снова вздрагивал, но уже спокойнее, и, чтобы отвлечься, следил за кирзачами Духа, за тем, как они оставляют грязные следы на чистом ковре. Он мысленно цокал языком, думая, что Духу придется трудиться остаток ночи, чтобы прибраться за собой.

Дух остановился у одной из дверей, вытащил из-за пазухи связку ключей, быстро подобрал нужный и вставил в замочную скважину. Схватился за резную лаковую ручку, потянул на себя. Дверь скрипнула. Из комнаты громко, но непонятно зашептали. Страх вернулся к Шиллову с новой силой. Он хотел сказать: «Дух, знаешь что, я, пожалуй, не пойду с тобой, в жопу такие приключения», но не успел, потому что Дух толкнул его в комнату и захлопнул за ним дверь.

Шилов зажмурился, а потом все-таки решился открыть глаза и сначала увидел только богато обставленную комнату: кирпичный камин, в котором уютно потрескивали, раскидывая искры, березовые полешки, прекрасные картины на высоких стенах, изящную мебель красного дерева, старинный телефонный аппарат на столе, лампу с зеленым абажуром, сплетенное из виноградной лозы кресло-качалку. Лишь потом он почувствовал, что в комнате пахнет старческим потом и увидел безумного старика, который качался в кресле и смотрел вроде и на Шилова, а вроде и мимо. На старике был красный поношенный халат с широким поясом и большие алые тапки, в которых утопали болезненной желтизны тонкие ноги. В его изумрудных глазах, ярких как у молодого, Шилов увидел отражение Сонечки. Старик пускал слюни и бормотал абракадабру беззубым ртом.

– Здравствуйте, – прошептал Шилов и замаялся. Поискал глазами, куда можно сесть, желательно подальше от старика, не нашел и остался стоять.

Старик оттолкнулся ногами от пола и закачался в кресле. Ноздри его раздувались, как у зверя, который учуял незнакомый запах, на глаза наворачивались слезы, а костяшки пальцев, вцепившихся в подлокотники, побледнели.

– Я здесь, потому что... мать твою, зачем я здесь?... потому что хочу помочь вам, – сказал Шилов и подошел к камину, чтобы подбросить в него поленьев, но дров в топке хватало, и он остановился в нерешительности. Старик поворачивал голову вслед за ним, но смотрел все равно сквозь и беззвучно плакал.

Шилов подошел к столу, поднял телефонную трубку, поднес к уху. Гудок, как и ожидалось, отсутствовал. Он вернул трубку на рычаг, телефонный аппарат тихо звякнул. Старик затрясся, задрожал и расхохотался, открыв беззубый рот, вывалив наружу желто-красный язык. В комнате завоняло прокисшим молоком. Шилов попятился к стене, не сводя глаз со старика.

– Скажите, – прошептал он, – вы помните Соню?

– Нищие, – вдруг очень ясно произнес старик и посмотрел куда-то за спину Шилова. Шилов обернулся, думая, что увидит картину, на которой изображены эти самые нищие, но ничего не увидел, кроме пустой стены, королевских обоев и черных теней, созданных камином, и зеленого отсвета, сотворенного абажуром. В углу стоял книжный шкаф, набитый древними книгами. Шилов подошел к нему. Провел пальцем по стеклу, открыл дверцу и вытащил наугад солидный том в черной обложке. Открыл фолиант где-то на середине и хотел почитать вслух, надеясь занять старика, но не сумел, потому что книга была исписана каракулями. Некоторые буквы напоминали кириллицу, другие – латинский шрифт, а третьи – вообще непонятно что.

Озадаченный Шилов поднял глаза и отшатнулся к стене, сжимая в руках книгу. Старик успел встать и подошел к нему. В его глазах Шилов увидел безумие и отражение собственного страха.

– Нищие! – проскрипел старик, вытягивая желтые трясущиеся руки к Шиллову. Шилов не знал, что говорить и что делать. Он протянул старику книгу, но дед не взял ее, а потянулся руками дальше. Книга шлепнулась на ковер. Сквозняк листал страницы. Шилов закрыл глаза,

сдерживаясь, чтобы не заорать, а когда открыл, рядом стоял Дух и укоризненно качал головой старику, который, как ни в чем не бывало, сидел в кресле. Глаза старика были закрыты. Он, кажется, спал. Холодный влажный ветер залетал в окно и уносился в коридор, из которого слышались шорохи и перешептывания. Сквозняк все медленнее и медленнее листал страницы сочиненной безумцем книги.

– Ну что? – спросил Дух, затаился и выпустил дым в лицо старику. Дед кашлянул, но не проснулся. Шилов сказал, набравшись смелости:

– Слушай, мне от тебя кой-чего надо...

– Да знаю я, – ответил Дух, и голос его сделался грустным: – Не скажу ничего Соньке и вашим тоже не скажу, не переживай.

– А зачем... все это?

– Скучно мне. Веселюсь, как могу.

– Блаженны нищие... духом, – вдруг очень четко произнес старик и снова уснул, откинулся в кресле, захрапел, а Дух рассмеялся, толкнул Шилова в плечо и сказал шутливо:

– Слышал? Вот поэтому я и люблю это место!

Глава третья

Пыль стояла столбом, вертолет улетал, а посреди взлетной площадки, у разделительной полосы, стояли Сонечка и Проненко и смотрели вверх. Они что-то кричали друг другу. Шилов остановился, не зная как поступить, и почти совсем уже решил уйти, но разозлился и заставил себя подойти к парочке вплотную. Увидев его, Проненко скривился и отвернулся, а Сонечка радостно улыбнулась, подбежала и чмокнула Шилова в щеку. Шилов хотел обнять ее, но руки обвисли тяжелым грузом, прикипели к бокам, и он крикнул сквозь шум вертолета:

– А я опять опоздал!

– Надо мне в следующий раз вместе с тобой пойти, – улыбаясь, сказала Сонечка, и Шилов сам улыбнулся, хотя еще минуту назад улыбаться не собирался. Уж очень зазорные ямочки появились на щеках Сонечки, уж очень заразительно смеялись ее зеленые глаза.

– Зачем? – спросил Шилов, а Проненко хмыкнул, развернулся и пошел к своему дому. Шилов на этот раз не обратил на него внимания, вместо этого смотрел только на Сонечку.

– Хотя бы узнаю, почему ты все время опаздываешь, – пожал плечами Сонечка и спрятала руки за спину, и Шилов отметил, что на ней та самая маечка, те самые шортики, и, возможно, те самые или похожие трусики. Было очень приятно вспоминать Сонечкины трусики, но в голову вдруг проник образ пускающего слюни старика. Шилов помрачнел.

– Что с тобой? – нахмурилась Соня, заглядывая ему в глаза. Она взяла Шилова под руку и сказала: – Если это из-за меня, не волнуйся. Я подумала, что раз не нашла сына, значит все хорошо, и он попал не к нам и это просто замечательно. Да, я знаю, плохо так говорить и думать, но зато честно. Честность тоже очень важна. Верно?

– Верно, – угрюмо ответил Шилов, но Сонечка не обратила внимания на его тон. Она вела Шилова за руку в тени пустых кирпичных коробок, мимо серых складов и зажатых между ними высоких, похожих на свечи, деревянных домов с флюгерами-гусеницами. Она привела его на тихую улочку, где стояли, окруженные заборами, опрятные одноэтажные дома, стучали на ветру розовые ставни и скрипели пустые детские качели.

– Знаешь, я так хотела, чтобы ты пришел к нам на вечеринку вчера! – щебетала Сонечка, и от ее голоса еще тревожнее становилось на душе у Шилова, и он захотел рассказать все как на духу о старике и Духе, но знал, что нельзя, и поэтому молчал. – Ты разве не слышал? Я пела так грустно и печально, что растрогался даже этот сухарь Проненко, а уж ты, думаю, и подавно растрогался бы. Я ждала, что ты откроешь дверь, замрешь на пороге нерешительно, но ты не открыл и не замер. Мне стало очень обидно, и я напилась. – Она хихикнула. – Я всю ночь не спала и пила на брудершафт с Семенычем, но не целовалась с ним, не думай, да он и не настаивал. Как он может не спать каждую ночь, не представляю. Я вот не спала, и вроде хорошо себя чувствую, но иногда начинает клонить в сон, безудержно хочется спать, кажется, упаду на землю и буду лежать, грустная и мертвая, и никогда не встану. Я глупости говорю?

– Нет, – лаконично ответил Шилов, и Сонечка почувствовала, что не так что-то с ним и замолчала. Рука ее, стискивающая локоть Шилова, напряглась. Шагов через сто Сонечка отняла руку. Они шли все также рядом, но теперь молча, руки оба засунули в карманы и глядели только прямо перед собой. Шилову было совестно из-за того, что он не может сказать Сонечке правду, а Соня злилась на Шилова и, так как страшнее наказания придумать не могла, мечтала, чтобы он споткнулся, упал и содрал колени до крови.

Совершенно случайно они свернули на посыпанную песком тропинку, петлявшую между домами. Продирались сквозь заросли сирени, сцарапывая кожу на локтях, но помогать друг другу не спешили. Перелезли через заросшую амброзией и лебедой скособочившуюся изгородь и оказались на плоской как блин вершине холма, что высится к востоку от леса и северу от города. Остановились, потому что не могли не залюбоваться пронзительно-синим небом,

невесомыми облаками, желтым солнцем, которое подмигивало им сквозь перистую муть, птицами, оранжевыми и зелеными, которые взмахивали крылышками в вышине и весело щебетали. Шилов подумал, что в такой замечательный день птицы не могут кричать о печальном, что в такой день они поют только радостное, прославляя Бога и каждую Божью тварь.

Свежий ветер дул с речки, ласкал лица. Шилов украдкой скосил взгляд и увидел, что Сонечка тоже скосила взгляд и смотрит на него. Они улыбнулись друг другу, вмиг забыв об обидах, схватились за руки и пошли навстречу ветру.

Ни с того ни с сего земля под ногами зашаталась. Казалось, поколебалось само небо, а облака резко сдернуло с мест. Они едва удержались на ногах. Сонечка крепче вцепилась в руку Шилова. Он кивнул на лес и сказал:

– Кажется, оттуда землю начинает трясти.

– Пойдем, посмотрим?

– Пойдем, – сказал Шилов, и они пошли к лесу. Земля иногда вздрагивала и уходила из-под ног, но уже не так часто и неожиданно.

Они спустились с холма и остановились, покоренные красотой векового леса, темного и грозного, заросшего широкими дубами, что, переплетаясь кронами, создавали в лесу серый сумрак. От леса веяло древней мощью, и Шилов подумал, что за все время, пока здесь живет, он ни разу не заходил в лес, а ведь можно было бы. Грибов, к примеру, насобирать. Ведь это здорово, подумал он, грибы собирать.

– Ты собирала когда-нибудь грибы? – спросил Шилов у Сонечки, но она рассеянно покачала головой: «Не увлекалась грибособиранием, идиотское занятие». Лес, наверное, вызывал у нее иные ассоциации, и совсем другое думала она, глядя в глубины векового сумрака.

У кромки леса они заметили Духа. Шилов вздрогнул, потому что вспомнил минувшую ночь, а Сонечка дернулась, потому что, как и все городские, побаивалась Духа и не доверяла ему.

Дух копался в земле: рыхлил ее лопатой, поддевал вместе с травой целые пласты и откидывал в сторону. Иногда он наткнулся на куски чего-то металлического, вытягивал их из земли, складывал в кучу подобных штук. Когда начинала дрожать земля, Дух втыкал лопату глубоко в чернозем и держался за нее, вцепившись в черенок изо всех сил. Земля где-нибудь рядом с ним вздувалась, превращалась будто бы в гнойный прыщ и вскоре взрывалась комьями перегноя и ошметками травы, а из того места, где лопнул «прыщ», выглядывала очередная железяка. Дух, как только прекращались толчки, подбегал к вскрывшемуся гнойнику, поддевал странный артефакт лопатой, хватал его и кидал в кучу. Груда образовалась немалая. Неподалеку Шилов увидел удобную деревянную тележку с двумя длинными ручками и достаточно глубоким кузовом и крикнул Духу:

– А чего ты сразу в тележку не складываешь?

Дух не ответил. Он стоял на месте и напряженно прислушивался к чему-то. Наконец, вздохнул свободно, вынул из-за пазухи пачку папирос, спички и прикурил. На Духе была все та же грязная тельняшка, те же кирзачи, то же галифе и та же шинель, только на голове теперь плотно сидела зеленая фуражка с черным околышем. Дух расположился прямо на земле и курил, сидя по-турецки. Он щурил глаза на солнце, из-под фуражки выкатывались и срывались на землю капельки пота.

– Вам не жарко? – скованно спросила Сонечка, но Дух не ответил, только крепче затаился и стал стягивать кирзачи. Когда показались краешки портянок, Шилов отступил на шаг и утащил за собой Сонечку. Он успел познакомиться с крепкой солдатской вонью духовских портянок и не имел желаний снова их нюхать.

– Дух, здравствуйте, – тоже переходя на «вы», пробормотал Шилов. – Я хотел спросить, почему вы сразу в тележку не складываете... хм... как я понимаю, это оружие?

– Оружие, – степенно ответил Дух. В его голосе прорезалась аристократическая надменность и неведомая Шилову бездна. – Оно самое, автоматы и винтовки, в лучшем виде. Второй день уже землю в этом месте потряхивает, гнойники вскакивают, а я, господа, как видите, борюсь с ними изо всех своих скромных сил.

Дух затягивался и выпускал дым навстречу солнцу, произносил слова важно, с достоинством, травка рядом с ним шумела тоже, кажется, степенно, а облака плыли строем и на одинаковом расстоянии друг от друга.

Дух сказал:

– Что же касается вашего вопроса, господин Шилов, то ответ будет один: скука. Скука движет мною, господин Шилов. Медлительность времени в этих благословенных краях – вот, что хуже всего. Я мог бы складывать оружие прямо в тележку, но не делаю этого, чтобы появилась лишняя работа, которая займет лишнее время; время, которое в этих краях напоминает тягучий и невкусный кисель.

– В плохом киселе встречаются комки, – сказала Сонечка.

– Простите, гражданочка?

– Говорю, не люблю когда кисель с комками. Ну, там, знаете...

– Хм... – задумчиво протянул Дух, дивясь оригинальности Сонечкиной мысли.

Сонечка тронула кроссовкой взрыхленный холмик, ковырнула землю и спросила:

– Господин Дух, а откуда берется оружие?

– Оружие, как известно, берется из дымных черных чудовищ, которые зовутся заводами, и человек к его производству не имеет никакого отношения. К сведению, оружие производят угольные гномы, которых в простонародье кличут шахтерами. Шахтеры чаще занимаются некой разновидностью медитации, которая зовется забастовкой, но иногда роются в земле, как кроты, и добывают металлы, а их, металлы эти, переплавляют в огромных чанах и отправляют на заводы, которые, в свою очередь, отхаркивают готовые изделия. Иногда заводы промахиваются и отхаркивают изделия не туда, куда надо, и они, изделия то есть, проникают в землю. Земля этому, естественно, не рада. Она дрожит и старается избавиться от инородных тел. Процесс избавления вы как раз и наблюдали.

– Ну ладно тебе, Дух, ладно, хватит паясничать, – не выдержал Шилов, но Дух посмотрел на него с такой злостью, что Шилов вздрогнул. Ему показалось, будто Дух готов рассказать Сонечке о пускающем слюни молчальнике. Дух кивнул ему со значением, как бы говоря: да, могу и расскажу, если не заткнешься.

– Я готов простить вам это оскорбление, господин Шилов, даже это ваше «хватит паясничать, ни хера не смешно», – сказал Дух, вставая, стряхивая пепел с галифе и шинели. – Но при одном условии: вы не будете помогать мне собирать оружие и складывать его в тележку.

Шилов согласился и до седьмого пота сдерживался, стоя неподвижно поодаль и наблюдая, как Дух таскает изделия «гномов» к тачке. И даже Сонечку не пустил помочь. Дух посматривал на Шилова, приподняв левую бровь, и Шилов не мог понять, что с ним, с Духом, произошло, ведь вчера почти друзьями расстались, а тут такой коленкор!

– Господин Шилов, может, скажете, что-нибудь умное? – спросил Дух. – Я знаю, вы умеете. Прочитайте классиков.

– «Человек есть нечто, что должно превзойти», – пропыхтел Шилов, который таки не выдержал: кинулся на помощь и подтаскивал к тележке последний, тяжеленный гранатомет.

– Кто сказал?

– Всегда путаю, кто что сказал. Пусть будет Аристотель.

– Понятно, господин Шилов, понятно. Вы уже превзошли себя?

– Сейчас... – Шилов подумал о Сонечке, о ее глазах и губах. – Вот теперь, кажется, да.

– Ладно, потопал я, ёклмнёпт – меняя тон, сказал Дух, схватился обеими руками за ручки тележки и напряг мускулы. Шилов сделал шаг, чтобы помочь ему, но Дух снова яростно зырк-

нул на него, и Шилов отступил. Дух потащил тележку вдоль кромки леса, чтобы поскорее выехать на дорогу, ведущую к печальному дому. Шилов долго глядел ему вслед. Воздух нагревался, потому что солнце успело забраться в зенит, и растекался перед глазами горячими волнами, растапливая исчезающую вдаль фигурку Духа и его тележку.

Шилов спустился к ручейку, чувствуя себя неважно, потому что лес оказался совсем рядом, под ногами шуршали сухие листья, и виднелись следы неведомых зверей, русалок и барсуков, которые цепочками уходили в тень деревьев. Земля здесь была разрыта, но не гноиниками, рождающими оружие, а лесными крысами. Шилова, привычного к городской жизни, это раздражало и пугало даже больше, чем оружейные прыщи и знание о неведомой расе шахтеров.

Сонечка сидела на коленях перед ручейком, пальцем едва-едва касалась водной глади и тут же отдергивала руку. Шилов уселся рядом и посмотрел в прозрачную воду на разноцветные камешки, желтые, мареновые и медно-красные, на траву, которая клонила стебли к прозрачной воде, на улитку, что пыталась по гладкому камню выползти из воды. Это у нее почти получалось, но на самой вершине улитка соскальзывала в воду и начинала свой путь снова. Шилов оглянулся на Сонечку. Она уселась на попу и обхватила руками колени, подбородок положила между колен, и глядела в воду, нахмурившись. О чем-то размышляла. Шилов захотел спросить, почему ее волосы, такой молодой, стали седыми, но не решался, да и, в общем-то, не собирался нарушать возникшую тишину неловким словом или движением. Он замер и смотрел в Сонечкины зеленые глаза, на ее курносый нос и потрескавшиеся от ветра губы.

– Сколько тебе лет? – спросила Соня.

– Двадцать восемь, – ответил Шилов и отвернулся к ручью. Заметил, что улитка вновь свалилась в воду и протянул руку, чтобы помочь ей, но Сонечка схватила его за кисть и сказала:

– Пусть сама.

– Но...

– Так надо.

Сонечка сказала:

– Я думала, ты младше, Шилов. Нет, правда. Очень редко ты ведешь себя как взрослый мужчина, зато почти всегда – как подросток.

Она посмотрела на него. Шилов опять ощутил, что его затягивает в омут ее зеленых глаз. Сонечка прошептала:

– Я не знаю, каким ты мне больше нравишься. Наверное, все-таки подростком.

– Да ладно... – пробормотал Шилов, освободил руку и все-таки помог улитке, подтолкнул ее на вершину гладкого камня и даже дальше. Улитка замерла, спряталась в домик, потом выглянула украдкой, развернулась и поползла обратно к воде.

– Глупая улитка, – сказал раздосадованный Шилов. Сонечка рассмеялась, вскочила на ноги и побежала к речке, держась ручья. Шилов пошел за ней. Сонечка останавливалась, поджидая его, и снова убегала; ждала, наверное, что Шилов погонится за ней, но Шилов не мог и не умел в этот момент бежать: он любовался Сонечкой и старался не смотреть на ее седые волосы, но не смотреть не получалось, и тогда он решил про себя, что волосы у Сонечки не седые, а просто-напросто выгорели на солнце. Убедив себя в этом, он побежал за девушкой и догнал ее у самой реки, поймал и обнял, и они поцеловались. Они целовались долго, страстно, пока не устали. Шилов полез Соне под майку, но она оттолкнула его руку и прошептала, кусая Шилова за ухо:

– Не сейчас.

– Ладно тебе, я вчера видел уже...

– Вчера не считается. Вчера ты был как родной брат.

– Ты часто раздевалась перед родным братом догола?

– Ну тебя!

Они сели на берегу реки, смотрели на воду и рассказывали друг другу о своем прошлом. Шилов рассказывал больше о студенческих годах и о походах на речку, которая была похожа на эту как две капли воды, а Сонечка рассказывала о своем сыне, тактично умалчивая о его отце, и это было хорошо, и Шилов даже забыл на время о том ее сыне, которого увидел в печальном доме. Сонечка положила голову ему на колени, он гладил ее седые волосы и рассказывал о школьных годах, о матери, которая потеряла мужа, его отца, на войне, еще о чем-то очень важном. Потом в небе застрекотал и блеснул матовым боком на заходящем солнце вертолет, и они поспешно засобирались, чтобы успеть встретить народ, потому что Шилов пообещал Сонечке провести этот вечер с ними со всеми.

Семеныч поднял рюмку и закричал, что надо выпить за Шилова, который, наконец, выбрался из своей норы и за Сонечку, которая его из этой норы вытащила. Он шумно радовался и заявлял, что именно он упробил Сонечку остаться сегодня в городе и спасти Шилова от заточения. И все с ним соглашались. Семеныч пил с Шилковым на брудершафт, но не целовался. И все кричали: «горько»! Но Семеныч грозил шутникам толстым пальцем и быстрой расправой, если продолжат острить в том же духе. Потом он пил на брудершафт с Сонечкой, и тоже не целовался, а потом с Проненко и опять не целовался. Проненко сидел напротив Шилова и как обычно кривил губы, а Сонечка сидела рядом с Шилковым, и он был счастлив, так счастлив, что даже прощал Проненко его гаденькую ухмылку.

Стол ломился от яств, но больше ломился он от бутылок, наполненных алкоголем; божественной амброзией, если верить словам Семеныча. Луна ярко светила над беседкой, где они собрались, и комары, увы, тоже оказались легки на помине, но Шилов заметил, что чем больше алкоголя принимаешь, тем меньше комары кусают, и пил поэтому очень много, жрал водку, как скотина, но скотина положительная, романтично настроенная, и совсем скоро вовсе перестал замечать комариные укусы, да и многих людей за столом перестал замечать тоже. В конце концов, у него получалось видеть только шумного Семеныча и его красный нос картошкой и Сонечку, которая сидела рядом.

Сонечка подмигнула ему и потребовала гитару. Федька по кличке Кролик, чернявый малорослый мужичок, вроде бы какой-то родственник Семеныча, кинулся в дом, откуда притащил не только гитару, но и бутылку прекрасной вишневой настойки. Семеныч тут же потребовал, чтобы Шилов выпил с ним на брудершафт. Шилов выпил с ним на брудершафт не только вишневой настойки, но и одуванчикового вина и самогона, а Сонечка все это время играла на гитаре. Шилов думал, какой же он был дурак, что сравнивал женственный голос Сонечки с простуженным голосом Высоцкого, и смотрел на нее, не отрываясь. Соня отложила на время гитару и выпила с Шилковым на брудершафт, и они страстно поцеловались, а все улюлюкали, свистели и аплодировали. Федька отмочил сальную остроуту, но на него никто не обиделся, кроме Семеныча, который хотел залепить Кролику затрещину, но его удержали. Семеныч долго буйствовал, а потом ради примирения выпил с Федькой на брудершафт, обнял его, и троекратно расцеловал в губы, как он сам это назвал – «по-коммунистически». Федька долго тер помятые плечи и называл Семеныча «натуральным медведем». Потом Федька поднялся и, вытянувшись во весь рост, начал говорить тост, но его никто не слушал. Кролик тогда взобрался на скамейку и громогласно потребовал внимания, но его опять никто не слушал, и тогда он закричал: «А ну слушайте меня, ёпвашумать!» – и все, будто услышали понятный только русскому человеку пароль, посмотрели на него, а он завел длинную и пространную речь, в которой похвалил всех, кто участвовал в сегодняшней экспедиции и всех, кто не участвовал. Он рассказал о новых успехах, о том, скольких людей они спасли от эпидемии, которая бушевала на восточном побережье Африки и на Мадагаскаре. Он рассказал о попытке массового самоубийства школьников на Сицилии, о полярниках, которых унесло на льдине в Баренцево море; о многом еще рассказывал Федька, а Шилов завидовал ему и обещал самому себе, что завтра обязательно полетит на вертолете. Он посмотрел напротив и увидел, что Проненко

нет на месте, и это показалось Шилову жутко подозрительным. Он встал, извинился перед компанией, пообещал, что скоро вернется, но никто на него не обратил внимания, потому что все спорили с Кроликом, который как всегда напутал с цифрами.

– Цифры важны! – кричал Семеныч и стучал кулаком по столу. – Ничто так не важно, как эти драные цифры! – Семеныч, конечно же, хотел вместо «драные» сказать «сранные», а то и другое что-то, совсем уж нецензурное, но вот так уж получилось, что не сказал. А зря. Вышло бы убедительнее.

Спотыкаясь на ровной земле, Шилов вышел за калитку и почти сразу наткнулся на Проненко, который сидел у обочины и водил пальцем в пыли, рисуя какое-то слово.

– Ты чего ушел? – спросил Шилов, усаживаясь рядом.

– Потому что я никогда не полечу на вертолете, – грустно ответил Проненко, и Шилов подумал, что впервые видит его таким: настоящим, что ли, живым. – И ты как бы тоже.

– Почему это? – возмутился Шилов и захотел дать Проненко в глаз, а потом передумал и чуть не заплакал, потому что понял, что тот говорит правду, снова возмутился и обернулся к Проненко, чтобы высказать ему в лицо все, что он о нем думает, но Проненко уже встал. Он брел вдоль обочины, сгорбившись, руки спрятав в карманы. Шилов глядел ему вслед и думал, что Проненко все-таки похож на корягу. А еще он думал, что может представить жителем этого города любого: и врунишку Федьку, и шумного Семеныча, а вот Проненко представить не может и не уверен, что Проненко не попал сюда по ошибке.

Глава четвертая

Шилов проснулся в своей кровати, увидел жирную зеленую муху, которая сидела на потолке, расправляя сверкающие в лунном свете крылышки, и долго вспоминал, что он в ней, в кровати этой, делает, но так и не вспомнил. Встал, шлепнул муху скрученной простыней, прошел на кухню, где, отфыркиваясь, умылся. Вода сняла головную боль, подлечила сухое горло, и Шилов смог, наконец, сообразить, что проснулся он не просто так и не из-за мухи, а оттого, что в окно стучали. Он подошел к окну, прижался к холодному стеклу носом, но никого не увидел. «Сон», – подумал Шилов. Отвернулся, стремясь быстрее возвратиться в кровать, но в окно опять стукнули. Шилов обернулся и вновь никого не увидел. За окном было темно.

– Что за чертовщина... – пробормотал раздраженный Шилов, силясь вспомнить, когда же он и, главное, как успел попасть в кровать. Он взглянул на часы, которые тикали на стене, и увидел что до рассвета еще полтора часа. Снова раздался стук. Шилов подошел к окну и хотел распахнуть его настежь, но увидел птицу с оранжевым оперением, которая стучала клювом по стеклу, и осторожно приоткрыл правую створку. Птица нырнула в образовавшуюся щель, подлетела к нему и села на вытянутую руку. Шилов увидел, что к ее лапке капроновой ниткой привязана свернутая в трубочку записка.

Шилов отвязал записку и увидел на ней два слова: «Приходи. Дух». Шилов матюгнулся для порядка, но тут же начал искать одежду, потому что Духу отказать не мог, особенно после памятного посещения печального дома. Шилов оделся, глянул по пути в зеркало, поскреб пальцами щетину, с тоской посмотрел на бритвенный станок, лежащий на трюмо, но бриться передумал и вышел через заднюю дверь во двор.

По небу ползли косматые черные тучи, которые загораживали и луну, и звезды. Шилову стало зябко в легкой рубашке, но возвращаться он не хотел и упрямо тащил разбитое тело вперед. С подножья холма полюбовался на крест и силуэт Валерки, который в очередной раз взбирался на табурет. Шилов помахал ему рукой, а Валерка помахал в ответ и крикнул:

– Помоги, мля!

Шилов притворился, что не слышит, и пошел быстрее, руки засунув в карманы, а голову вжав в плечи, как трусливый зверь.

Дух сидел на скамейке у дверей и раскуривал трубку, набитую душистым яблочным табаком, а ноги, упакованные в вонючие портянки, вытягивал как обычно вперед и смотрел на Шилова с легкой усмешкой, как в прошлый раз, да и позапрошлый, впрочем, тоже.

– Что случилось? – спросил Шилов резко, потому что кривляния Духа и вонючие портянки ему порядком надоели. Он был настолько зол, что совсем не пугался шепота, доносящегося из окон, и стука ставен, хотя в этот раз дом выглядел еще страшнее из-за обложившей его темени, которую принесла приближающаяся гроза.

Дух кивнул ему, вытряхнул табачок из трубки, сунул трубку за пазуху и достал портсигар, открыл его, двумя пальцами извлек беломорину и предложил Шилову. Шилов отказываться не стал, присел рядом с Духом, и они закурили.

– Что случилось? – повторил Шилов.

– Да так... – протянул Дух и вдруг гаркнул: – А ну, лови, ёпт!

– Кого? – опешил Шилов и огляделся по сторонам.

– Ведьма в кустах! – Дух запустил в кусты смородины горящей папиросой. Окурок исчез в зарослях, в кустах зашумело, раздвинулись ветки, и быстрой тенью загадочная тварь скользнула над землей, вгрызлась в чернозем, разбрасывая грязь, и исчезла.

– Что это? – спросил Шилов севшим голосом. – Шахтер?

– Ведьма, хвост ей под ляжку. ДПИ. Дух Переизбытка Информации.

– Чего?

– Дух, говорю, Переизбытка Информации. На земле столько информации скопилось в последнее время, что ее попросту некуда девать, и она отлетает прямиком к нам.

– Угу, – буркнул Шилов, который ничего не понял.

– Темная ты, Шилов, личность.

– Ты за этим меня звал? О моей необразованности поговорить?

– Нет, – подумав, сказал Дух. – Я звал тебя помочь. Ты, Шилов, личность хоть и темная, но, как и я, ёпт, неординарная. Скажи мне, Шилов, ты знаешь, кто к нам в город попадает?

– К нам в город попадают плачущие и кроткие, алчущие правды и милостивые, изгнанные за правду и чистые сердцем, – отчеканил Шилов.

– Ну да, в общем-то. А еще нищие духом, которые живут на верхних этажах этого дома, и солдаты-миротворцы, которые живут на нижних.

– У печального дома есть нижние этажи?

– Их даже больше, чем верхних, – уверил его Дух, затянулся, выпустил очередное колечко в напитанный озоном воздух, а потом сказал, помявшись для порядка: – Вот в этом-то и проблема, Шилов. Давно к нам не попадают ни алчущие правды, ни кроткие, а изгнанных за правду хоть и отбавляй, да только правда у них неправильная какая-то, и изгоняют их обычно не отовсюду, а из одной-единственной страны. Солдат-миротворцев много, но толку от них? Большинство оседает на нижних этажах и выпустить их нет никакой возможности, потому что ведь порушат здесь все!

– И что?

– А то, господин Шилов, что неоткуда добродетельным горожанам братья, которые бы в вертолете летали! И вчера случилось такое, чего я ожидал и боялся: крылья прорезались у нищего духом. А это... это зло! Понимаешь?

– «Когда все узнают, что добро – это добро, тогда и возникает зло...»

– Да хватит уже своих мертвецов цитировать! Ты хоть понимаешь, какая хрень произошла? Пресекаешь?

Шилов молчал, не совсем разобравшись, что хочет сказать Дух, а потом, кажется, понял и посмотрел на Духа со страхом. Он вспомнил Сонечкиного сына и тонкую струйку слюны, протянувшуюся из его рта; представил, как распахивается халат Сонечкиного сына, и оседает на пол ненужным тряпьем, как вырастают за спиной умалишенного старика два огромных крыла, и видна дряблая желтая кожа, а старые глаза горят как у полудохлой кошки.

– Ты понял, господин Шилов, – кивнул Дух, задрал штанину, почесал голень и выплюнул сигарету в кусты – оттуда выскользнула и умчалась в землю очередная информационная ведьма.

– И что делать?

– «И что делать?» – передразнил его Дух и вытащил из-за пазухи сигарету. – Не знаю я, что делать, ёпт. Вот только дело это оставлять нельзя, никак нельзя, господин Шилов!

Ветер шуршал травой, приносил тоскливые голоса из-за холмов, играл листьями и сухим бурьяном, распространял вокруг запахи ароматных трав. Ветер, будто насмехаясь над Шиловым, кидал сор ему в лицо, и убегал, улетал, уносился, а Шилов утирал испарину, выступившую на лбу, и думал, как же много он еще не знает о родном городе. Он посмотрел на небо и увидел падающую звезду, и длинный шлейф из маленьких быстро гаснущих звездочек за ней. Шилов внезапно вспомнил слова дедушки, старого доброго дедушки, который однажды посадил внука на колени и сказал, что падающая звезда – это душа умершего ангела. Маленький Шилов спросил, как такое может быть, что ангелы умирают, но дедушка не ответил. Он, глупый мальчишка, повернулся и увидел, что по морщинистому лицу деда ползут, словно муравьи, слезинки. Он коснулся дедушкиной щеки, коснулся слезинки, и она осталась на его пальце. Он поднес палец ко рту и попробовал слезинку на вкус, а она оказалась соленой как море, в которое, наверное, падают ангелы, чтобы затушить огонь, горящий в умирающих сердцах. Дедушка

шмыгнул носом смущенно и пробасил, мол, глупости, в глаз что-то попало, а ангелы, конечно, не умирают, потому что Бог совсем рядом с ними, а те, кто рядом с Богом и не покидают его, не умрут никогда.

– Выход есть, но мне, Шилов, понадобится твоя помощь.

– Помощь?

– Да, помощь, – сказал Дух, затянулся и скривился. Наклонился, вмял бычок в ножку скамейки и сказал:

– Ненавижу сигареты, ёпт. Лучше трубки вишневого дерева ничего нет.

– Что надо делать?

– Я тебе скажу что, – сказал Дух, доставая трубку вишневого дерева. – Но запомни: ты никому и никогда не должен этого рассказывать.

Они вошли в дом, когда снаружи начался дождь, который сначала был совсем слабый, но с каждой минутой усиливался. Ветер дул все резче и бил по стенам яростнее. Гремел гром, и электрические лампочки мигали в унисон ударам, а Шилов вздрагивал и смотрел на картины, которые висели на стенах, и теперь это были не натюрморты – яблоки, груши и виноград, и не пейзажи – реки, леса и озера, а одни только портреты людей в зловещих черных одеяниях. Они были на одно лицо, их бледная кожа, темные глаза и ядовитые улыбки наводили тоску на Шилова; ему казалось, что портреты следят за ним. Он отворачивался и смотрел в окна, смотрел на звенящие под напором стихии стекла, следил за каплями, которые прозрачными блинами размазывались по окнам. Капли совсем скоро слились в единый водяной поток, за которым не видно было ни неба, ни холма, ни гравийной дороги.

Дух шел впереди. Он привел Шилова к комнате, где жил Сонечкин сын. Шилов замер, не решаясь переступить порог, а хозяин печального дома прошел на середину комнаты и остановился перед креслом-качалкой. Ничего в обстановке комнаты не изменилось, также горел камин, шелестела на полу желтыми страницами книга, испещренная каракулями. Дождь хлестал в открытое окно, капли долетали до камина и шипели, испаряясь; мочили зеленый колпак светильной лампы, который перекосялся от постоянных ударов. Изумрудные пятна света бегали по изрезанному морщинами лицу старика, который сидел в кресле, закрыв глаза. Что-то изменилось в нем, и Шилов сначала не понимал что именно, а потом подошел ближе и увидел, что на спине Сонечкиного сына вырос горб, а красный его халат натянулся спереди, плотно обхватывая грудь. Широкий пояс врезался в живот старика, рукава сдавили руки, стесняя движения.

– Молчальник! Молчальник, проснись! – позвал Дух и потряс его за руку. Сонечкин сын открыл глаза и уставился непонимающе, но вполне осмысленно, открыл рот, и Шилов подумал, что сейчас он скажет что-нибудь внятное, например: «Оставьте меня в покое!» или вообще матом пошлет, но старик ничего не сказал, да так и застыл с открытым ртом. Редкие седые волосы на голове молчальника промокли от дождя и прилипли к голове, покрытой перхотью, и это было крайне неприятное зрелище.

Дух схватил тонкое запястье Сонечкиного сына, помог ему подняться и повел за собой. Шилов пропустил их и захотел подойти к окну, чтобы захлопнуть створки, но Дух сказал:

– Оставь.

Они опять шли по длинному коридору. Бледные люди с картин глядели на Шилова осуждающе, а он старался не смотреть на них, внимательно следил за шаркающим впереди стариком, за тем, как трясутся его руки. Из рта Сонечкиного сына сочилась и капала на пол желтая слюна, которая попадала на ковер, впитывалась и оставалась на нем коричневыми пятнами. Шилов старался обходить эти пятна.

Они миновали еще одну дверь, вошли в коридор, который привел их к лестнице, спирально уходящей вниз. Шилов недоумевал, зачем они тащат старика туда, где живут миротворцы, но спросить так и не решился.

Деревянная лестница привела их в залу, где не было электрического света, а стены, пол и потолок оказались совершенно голые. Зала освещалась свечами, и свечи эти, как сразу догадался Шилов, были необычные, потому что, например, по зале пробежался сквозняк, но огоньки свечей не шелохнулись, продолжали гореть ярко и ровно. Шилов подошел к одному из столов со свечами, и дунул, но пламя не погасло и даже не отклонилось. Как замороженное.

Стены в зале сложены из крупного серого камня, шершавого и во влажных потеках, и в этих стенах великое множество железных дверей, из-за которых сдавленно кричат люди. Шилов никак не мог понять: то ли это люди кричат так тихо, то ли двери заглушают их. Вопрос показался ему очень важным. Он спросил у Духа:

– Когда мы придем?

Дух стоял с Сонечкиным сыном за руку точно посреди залы и оглядывался, шевелил губами, показывая указательным пальцем поочередно на все двери, будто нашептывал про себя считалочку.

– Пятая, – сказал он, наконец, и повел старика к двери, а Шилону ничего не оставалось, и он последовал за ним.

Они вошли в большую каменную комнату с высоким потолком, под которым висело колесо от телеги, к которому, в свою очередь, беспорядочно лепились горящие свечи. Пол здесь был скользкий, влажный, холодил ноги даже сквозь толстые подошвы кроссовок. У стены стоял большой дубовый стол на низких ножках, покрытый темными пятнами, а рядом привалился к стене шкаф без дверок, на широких полках которого лежали необычные, в основном, инструменты, хотя встречались и привычные пилы, молотки, длинные толстые иглы и мотки прочных ниток. Под столом валялось ведро, тщательно вымытое и блестящее. Слева Шилов увидел две табуретки и врезанные в стену цепи с кандалами, которые сверкали, надраенные. Вообще все в комнате было чистое, сияющее и пахло карболкой, и Шилов даже удивился, зачем Дух считал двери, ведь он, наверное, убирался тут совсем недавно и должен хорошо помнить комнату и то, за какой дверью она находится.

Дух подвел старика к столу и заставил его лечь на столешницу животом вниз. Погладил горб молчальника. Плечи старика затряслись и он, кажется, заплакал. Шилов подошел ближе, чтобы видеть, что делает Дух, а тот взял из шкафа длинный острый нож и стал разрезать халат на спине Сонечкиного сына. Делал он это медленно и торжественно, придерживая материю двумя пальцами свободной руки. Обернулся и сказал Шилону подчеркнуто официально:

– Вы, Шилов, будете моим ассистентом на операции.

Шилов кивнул, хотя не совсем понял, что от него требуется. Дух протянул ему нож и приказал:

– Шилов, верните инструмент на место.

Шилов взял нож за рукоятку и положил его на полку. Дух схватился за края разрезанного халата и развел их в стороны, обнажая белые недоразвитые крылья, что росли из желтой спины старика. Старик вздрогнул, и Шилов вздрогнул тоже, потому что понял, что собирается делать Дух, и хотел уйти, но не решился. Он хотел остановить Духа, но не отважился. Он хотел закричать патетично: «Как же так! Дух, вы – подлец!» – или какую-нибудь херню в этом роде, но не закричал.

Дух попросил:

– Шилов, дайте пилу.

Шилов повернулся к шкафу и достал острую, поблескивающую на свету пилу, и когда вытягивал ее из груды инструментов, она металлически зазвенела, и он вздрогнул. От пилы пахло машинным маслом, а зубчики на полотне были острые, такие острые, что, отдавая пилу Духу, Шилов, коснувшись их нечаянно, порезался.

– Шилов, подержите левое крыло, – приказал Дух. Шилов схватился за крыло и потянул его кверху. Перья оказались не совсем белые, а с болезненной такой желтизной, пахло от них

чем-то неприятным, они были влажные и легко ломались, расплзались в пальцах, как слизь, и падали на стол. Дух схватил крыло поудобнее и стал пилить, а Шилов старался не смотреть ниже, он смотрел только на свои руки, судорожно сжимавшие крыло, и мечтал не слышать, как всхлипывает старик, уткнувшийся носом в столешницу.

– Не переживайте, Шилов, – сухо произнес Дух, – здесь нет боли.

Нет боли, повторил про себя Шилов, нет боли. Совсем нет боли, и сердце мое не болит, это только кажется, я выдумываю. Пусть, пусть сердце колет, нам на это положить...

Шилов оттягивал крыло изо всех сил, но оно вдруг перестало держаться, и Шилов свободно поднял крыло над головой и увидел кровь в месте отреза, и перья, которые сыпались с крыла, как листья. Он держал крыло перед собой и тупо глядел на него, а Дух выхватил его у Шилова из рук и сказал жестко:

– Что это вы, Шилов, делаете? Медитируете? Прошу вас, в следующий раз сразу же кидайте крыло в ведро для отходов!

Дух подошел к рукомойнику, который висел на стене рядом, и тщательно вымыл пилу, отколупывая ногтем перья и кровь, а потом вытащил из-под стола большую цилиндрическую банку, на которую был наклеен листок с надписью «спирт» и отвинтил крышку. В комнате на самом деле запахло спиртом, а Дух сунул в банку пилу так, что только ручка ее осталась торчать снаружи, и распорядился:

– Шилов, найдите еще одну пилу.

Шилов долго рылся в шкафу в поисках пилы, однако ему попадались любые инструменты, но только не нужный. Дух что-то ворчал за его спиной, и Шилов чувствовал, как на лбу выступает холодный пот, руки его задрожали. Он так торопился, что вновь порезался об острейшие зубчики пилы, но боли не почувствовал, а, обрадованный, протянул инструмент Духу. С кончика полотна свисала кровавая капелька, Дух смахнул ее, и снова заставил Шилова держать крыло. Он усердно пилил, а старик стал дергаться и сучить ногами, поэтому Шилову пришлось одной рукой сжимать крыло, а другой вцепиться в шею старика и крепко придавить к столешнице.

С мерзким хрустом отделилось второе крыло. Шилов немедленно кинул его в ведро, и оно шлепнулось туда с хлюпающим звуком. В воздухе закружились желтые и красные перья, величаво опускались на пол и на спину старика, из которой торчали два окровавленных обрубка. Шилов отошел в сторону, с трудом сдерживая тошноту, а Дух, который мыл пилу, сказал ему:

– Куда это вы собрались, Шилов? Мы с вами, Шилов, не закончили еще операцию. Видите эти обрубки? Из них вырастут два новых крыла, если мы не покончим с ними раз и навсегда. Подойдите к операционному столу, Шилов, и возьмите молчальника за плечи. Крепко прижмите его к столу, пока я буду удалять корни.

Он так и сказал: «корни», и Шилову вспомнился стоматологический кабинет, которого он, помнится, жутко боялся в детстве. Шилова затошнило сильнее, но он переборол дрянное чувство, подошел к Сонечкиному сыну, взял его за вздрагивающие плечи и с силой вмял в стол. Дух самостоятельно достал из шкафа два ножа, пинцет, молоток, странное приспособление, похожее на кусачки, и еще кучу инструментов, назначение которых Шилову было непонятно.

Дух сделал надрез рядом с обрубками крыльев, а Шилов стал смотреть на потолок и вспоминать Сонечку; то, как они сидели на берегу, как она положила голову ему на колени и жевала травинку, то, как он захотел ее поцеловать, но Соня улыбнулась и сказала: «На сегодня хватит». Он гладил ее седые волосы, проводил пальцами до самых корней волос, надеясь увидеть, что хотя бы корни темные, но корни тоже оказывались седыми.

Старик забормотал нечленораздельно и попытался встать, но он был слабый, руки Шилова оказались сильнее. Шилов смотрел на потолок и думал: «Глупый молчальник, не знает, что мы для его блага стараемся». Еще он подумал, что молчальник – вполне подходящее

словцо, не то что «старик» или «Сонечкин сын», потому что молчальник – это даже не человек, а неразумное животное, лишенное дара речи. А больше ничего Шилов не думал, потому что о чем-то размышлять в этот момент было неприятно и очень больно.

В ведре хлюпнуло. Шилов догадался, что Дух извлек первый корень. Он продолжил смотреть в потолок, на руки ему брызнуло горячим и липким, но Шилов не стал глядеть вниз, чтобы убедиться, что это кровь.

Шилов, хоть и устал как собака, не стал идти домой, чтобы отоспаться. Вместо этого он обошел свой дом по тропинке, захлавленной сигаретными окурками и пивными банками, и вышел на блестящую после дождя асфальтовую дорогу. Увидел за изгородью Семеныча, который, как обычно, сидел за столом, хмурый, решительный. Семеныч глушил водку. Стаканами. Он наливал в стакан из нескольких бутылок, в которых была водка разных сортов, тщательно взбалтывал, сжав одной рукой дно стакана, а другой – верх. И глушил. Шилов подошел к калитке, отворил ее и вошел. Уселся рядом с Семенычем. Тот кивнул и налил ему, они молча выпили, и долго смотрели на то, как по лужам в ногу маршируют призраки солдат, как они останавливаются и поднимают оружие, а невидимые генералы кричат им: «Товсь!», а потом: «Цельсь!», а потом: «Пли!» Они смотрели, как невидимый огонь раскаляет воздух над дорогой, а солдаты обеих армий валяются на асфальт словно куклы, и в стороны разлетаются фуражки и каски, и зеленых солдат становится все меньше и меньше.

– Ты зр-ря не летаешь с нами, Шилов, – сказал Семеныч, разглядывая солдат поверх рюмки. – Мне кажется, нос-понос, ты смог бы что-нибудь сделать с этой бойней.

– Думаешь, она что-то значит?

– Конечно. Не просто же так? Мы летаем помогать людям каждый день, но битва продолжается, а ты никак не можешь успеть на вертолет, так что, навер-ное, из-за тебя битва не заканчивается.

– Чем я отличаюсь от вас?

– Чем-то ведь отличаешься, – горько вздохнул Семеныч, и Шилов тоже вздохнул, потому что ему стало немного обидно и неприятно от того, что он чем-то отличается, а еще стало стыдно, что за столько дней пребывания в городе, он ни разу не летал на вертолете, чтобы помочь людям.

Упал последний солдат зеленой армии. Серые вояки смотрели на устроенное побоище с грустью и неслышно переговаривались, отворачивались от тел и что-то преувеличено бодро кричали, беззвучно раскрывая рты. Сегодня они задержались на дороге, потому что солнце долго не хотело выглядывать из-за туч, но потом все-таки проклюнулся одинокий луч и осветил дорогу, заставив сверкнуть мокрые камешки. Призрачные солдаты испарились.

– Вот что, Шилов, – сказал Семеныч. – Дуй-ка ты домой, переоденься и возвращайся, нос-понос, сюда. Пойдем сегодня к вертолету все вместе. Тогда точно успеешь.

Шилов кивнул, допил водку, встал и побежал к дому, разбрызгивая кроссовками грязную воду. Во время бега взглянул на свои руки, на рукава рубашки и увидел, что они заляпаны кровью и усеяны перьями ангела и понял, что Семеныч видел его таким, но ничего не спросил. Шилов крепко сжал зубы и закрыл глаза, остановился, досчитал до десяти, чтобы успокоиться, а потом, на всякий случай, еще раз – до двадцати, открыл глаза и пошел спокойно, не торопясь. Вошел в дом, где немедленно разделся, кинул штаны и рубашку в кучу грязного белья, скопившуюся в кладовке, прошел в зал, где достал из платяного шкафа недавно появившиеся серые хлопковые брюки, расклешенные внизу, серую майку-безрукавку и серый пиджак свободного покроя. Оделся и присел на диван – на дорожку. Ни с того ни с сего у него закружилась голова, и Шилов закрыл глаза. Он стал дышать ровно и глубоко, но голова все равно кружилась, и тошнило к тому же, а тело чесалось, потому что Шилову казалось, будто к его коже липнут желтые, испачканные красным перья. Он судорожно чесался через майку, а потом залез под нее рукою и расцарапывал кожу до крови, но никаких перьев, естественно, не находил. Тош-

нило все сильнее, и Шилов прилег на диванную подушку, чтобы успокоить разбушевавшийся желудок и лежал тихо-тихо, как мышонок, и желудок успокаивался, а Шилов думал: вот еще пару минут пройдет, и пойду к Семенычу и ребятам, вот еще минутка и пойду...

И уснул.

Шилову снилось бескрайнее поле, протянувшееся до самого горизонта и, наверное, дальше. Поле было каменное, серое, и небо тоже было серое, свинцовое, а на горизонте поле и небо сливались в одно, и сложно было определить, где кончается земля и начинается небо. Воздух в этом месте оказался сухим и колючим, жег легкие. Шилову подумалось, что в воздухе есть ядовитые примеси, поэтому он дышал через плотно сжатые губы, а носом старался вообще не дышать, но получалось поначалу все равно скверно, пришлось долго приноравливаться.

Шилов повертел головой и увидел единственный холмик на все поле, который выделялся черным чернильным пятнышком. Шилов решил пойти к нему. Он сделал шаг в направлении холмика и только тогда сообразил, что на нем странная серебристого цвета одежда, плотно облегающая кожу. На одежде не оказалось застежек и «молний», а высокий воротник неприятно сдавливал горло. На руках были перчатки, и Шилов попытался стянуть их, но ничего у него не вышло, перчатки сидели как приклеенные. Шилов плюнул и продолжил путь. Под ноги ему попадались мелкие камешки, которые выглядели острыми, но Шилов наступал на них и совсем не чувствовал боли. Он остановился и с размаху топнул о заостренный булыжник, но ничего не почувствовал. Наклонился и понял, что высокие серебристые сапоги на его ногах необычные: они изменялись прямо на теле, трансформировались и плавно обтекали камни и холмики, заполняли собой колдобины и трещины в земле. Шилов сделал несколько шагов, и ему показалось, будто он шагает не по каменистой равнине, а по гладкому асфальту – такие удобные были эти сапоги.

Что-то хлопало его по спине. Шилов остановился, нащупал рукой шлем, прикрепленный к костюму, словно капюшон, потянул его на себя и водрузил на голову. Шлем начал вдруг растекаться, вытягиваться к шее, обволакивать лицо. Шилову стало нечем дышать, он запаниковал, схватился за «уши» шлема и потянул его кверху, а тот неожиданно легко поддался, шелкнул и тряпкой хлопнул по спине. Шилов стоял, пытаясь отдышаться, но воздух казался все таким же едким, и он успокоил дыхание. Снова поспешил к холмику, потому что чувствовал: там кроется какая-то важная тайна.

Тучи клубились у него над головой, неслись, ведомые ветром, ему навстречу и дальше, и Шилову с каждым шагом становилось все сложнее и сложнее идти, потому что ветер бил колючей пылью в лицо и сбивал с ног. Шилов закрывался от ветра ладонью. Он хотел надеть на голову шлем, но боялся, что не сможет снять его. Шилов понимал, что чувство это глупое, и что шлем, растянувшись по лицу, наверняка станет прозрачным и позволит дышать, но все равно не рисковал надеть его.

Холмик приближался очень медленно. Справа от него Шилов увидел вихрь, который кружился на месте, вытянувшись от земли к самому небу. Вихрь был серый и издали сливался с небом и с землей, и именно поэтому Шилов не заметил его сразу. Он остановился и из-под ладони разглядывал смерч, надеясь найти объяснение столь чудному явлению природы, но в голову ничего не приходило.

Холмик становился все больше и больше, и вскоре Шилов увидел, что это никакой не холмик, а иссиня-черный металлический объект, похожий на перевернутую дном вверх суповую тарелку. Диаметр штуковина была метров пятнадцать, а высотой метра четыре. Выглядела совершенно гладкой, а слева, прислонившись к ее боку, сидел человек в сером костюме, похожем на тот, что был на Шилове.

Ветер возле «тарелки» стал тише, будто объект генерировал особое поле, защищающее от непогоды. Шилов отнял руку ото лба и стал обходить тарелку по кругу, чтобы заглянуть незнакомцу в лицо. Остановился напротив него и увидел, что чужак сидит, вытянув ноги впе-

ред, и что на голове у него серый шлем, совершенно непрозрачный, однако Шилов отчего-то был уверен, что чужак все видит. Шилов протянул ему руку и крикнул:

– Привет!

Чужак не ответил. Где-то сбоку шумел вихрь, и, кажется, силовое поле тарелки переставало справляться с ним: ветер проникал сквозь дыры в этом самом поле и приносил с собой особенно едкий воздух, наполненный влажными частичками, которые нещадно драли горло Шилова и будто кислотой выжигали его легкие.

Шилов сделал два шага навстречу, руки держа на виду, хотя незнакомец не делал угрожающих движений. Он вообще не двигался, и Шиллову подумалось вдруг, что чужак мертв, что он, Шилов, остался один в этом враждебном краю, что скоро вихрь окончательно пробьет защиту тарелки и разнесет все вокруг, что надо бежать...

Чужак поднял руки, и Шилов замер на месте, а чужак коснулся руками головы, провел ладонями от шеи к подбородку и выше. Шлем стал сползать с его головы и превратился в серый капюшон, который незнакомец убрал за спину. Чужак взъерошил густые черные волосы и улыбнулся Шиллову узким безгубым ртом. Лицо его было бледным до прозрачности, виднелись кровеносные сосуды, а на щеках и обтянутых кожей скулах играл нездоровый румянец. Носа у незнакомца не оказалось вовсе, а глаза были большие и серые, как костюм, как земля под ногами и небо над головой. Вертикальные зрачки чужака следили за Шилловым, а руки все ерошили и ерошили волосы. Шилов смотрел на эти худющие руки, на которых было по четыре пальца – два длиннее, два короче – на безгубый рот незнакомца, на острый подбородок и думал, что чужак кого-то напоминает, кого-то очень знакомого, вот только нет никакой возможности понять, кого именно. Чужак походил и на Сонечку, и на Семеныча, и на Федьку, и на Проненку, и на Валерку, хотя нет, не походил он на них, совсем не похож был, но что-то общее все-таки имелось, может, улыбка – странная, загадочная; может быть, виноватая. Чужая.

Чужак открыл рот, но ничего не сказал и этим напомнил Сонечкиного сына. Желтая слюна потекла из его рта и повисла на подбородке, но незнакомец не обратил на нее внимания, вытянул правую руку и кистью показал куда-то в сторону. Шилов проследил за его взглядом и увидел, что незнакомец указывает на вихрь.

– Опасно? – спросил Шилов.

Чужак медленно помотал головой и продолжал тыкать пальцами в сторону вихря, и глаза его слезились, и моргал он часто-часто, потому что ветер сыпал в глаза песок.

– Что?

Чужак откинулся назад и посмотрел на небо, его кадык судорожно дергался вверх-вниз, будто незнакомец сглатывал что-то. Рука чужака продолжала указывать на вихрь, пальцы его дрожали, и Шилов увидел, что на них нет ногтей, а кожа в том самом месте гладкая и полупрозрачная, как и на лице.

– Чего ты хочешь? – закричал Шилов, но чужак не ответил, и Шилов подумал, что он все-таки чертовски напоминает и Семеныча, и Сонечку, и всех остальных, но почему – сообразить не мог.

– Ты хочешь, чтобы я пошел туда?

Чужак снова посмотрел на него и медленно кивнул, не опуская руки, и изо рта его протянулась вторая слюнная струйка, и Шилов подумал, что чужак умирает, что ему надо помочь, но он не знал – как, он ничего не знал, кроме того, что чужак просит его пойти навстречу вихрю.

– Я не пойду, – сказал Шилов твердо. – Я погибну, если пойду!

Чужак смотрел, не отрываясь, а ветер становился злее и яростнее, толкал Шилова в спину и в бок, гудел в ушах и вскоре Шилов не слышал ничего кроме ветра, и не видел ничего, кроме глаз чужака с черными вертикальными зрачками.

Чужак нахмурился и ткнул пальцем вперед. Он сглатывал слюну, слизывал ее с подбородка длинным, раздвоенным желто-красным языком и настойчиво тыкал пальцем в сторону

смерча, а Шилов медленно отступал назад. Он с трудом сдерживался, чтобы не убежать, чужак поворачивал свою тонкую шею вслед за ним, и открывал, и закрывал рот, будто заходил в яростном крике, но ничего не было слышно. Чужак тыкал пальцем, смерч расширялся, что, впрочем, может, только казалось Шилову; казалось от того, что смерч медленно подползал к тарелке, к незнакомцу и к Шилову заодно.

– Я не пойду! Не пойду! Не...

– ...ты опять не полетел с нами.

Шилов открыл глаза, часто моргал и открывал рот в беззвучном крике, но в горле у него пересохло, и он не смог произнести ни звука. Смотрел перед собой и видел стену, оклеенную сиреневыми обоями, круглые механические часы на стене с надписью «Шворц», густую паутину под потолком, окно, за которым на землю опускались синие сумерки, возвышался холм, и холодный ветер ворошил стебли травы. За которым опять моросил дождь.

Шилов перевернулся на спину и приподнял голову. Рядом сидела Сонечка. Она распустила волосы, как чужак из сна. На ней был джинсовый комбинезон и теплая рубашка в красную и черную клетку, она сидела на диване возле ног Шилова и смотрела на него и грустно улыбалась. Шилову стало погано, потому что он помнил, как вырезал Сонечкиному сыну незаконно выросшие крылья.

Шилов сел на диване прямо, взъерошил волосы и протер заспанные глаза, улыбнулся виновато и сказал:

– Прости, Сонь, так получилось, уснул...

– Я не заметила, когда ты вчера ушел, – сказала она.

– Плохо стало, – соврал Шилов. – Всю ночь не спал.

– Понятно.

– Ты давно сюда пришла?

– Очень давно, – ответила она, наклонила голову вперед, и внимательно рассматривала диванную обивку, водя по ней пальцем: – Сегодня мы предотвратили затопление Венеции и взрыв электростанции под Москвой. Было очень здорово. Все ходили радостные, воодушевленные.

– Это хорошо, – сказал Шилов и взял ее за кисть, но она выдернула руку и продолжила водить пальцем по обивке. Шилов помялся и спросил:

– Ты обижаешься?

– Да.

– Прости...

– Да ладно, – сказала она, пожимая плечами. – Просто я надеялась, что ты будешь сегодня с нами. Со мной.

– Завтра обязательно полечу.

– Я верю, – серьезно ответила она, встала, тряхнула волосами, посмотрела в окно и сказала:

– Дождь. А давай, Шилов, прогуляемся под дождем, потопчем мокрую траву?

– А на вечеринку Семеныча ты разве не собираешься?

– Сегодня не хочется почему-то.

– Тогда давай.

Они вышли в заднюю дверь. Шилов тотчас же неловко стукнулся лбом о лампочку, что свисала с козырька. Он тер лоб, и, виновато улыбаясь, клял глупую лампочку, а Сонечка улыбнулась, но тут же нахмурилась и, сунув руки в широкие карманы, доходившие почти до колен, пошла к калитке, а Шилов последовал за ней. Мысленно он посылал себя в пешую эротическую прогулку, то есть в жопу или, быть может (я не уверен) на хер, что уснул так не вовремя.

Они вышли в поле и стали подниматься по мокрой траве к холму; она – впереди, а он чуть сзади. Дождь бил их по лицам, и Шилов поднимал руку и вытирал рукавом лоб, брови и глаза.

Земля под ногами раскисла, и ноги Шилова тотчас же промокли и замерзли, и он подумал, что теперь наверняка простудится, сляжет с температурой и не сможет выполнить обещание, которое дал Сонечке. Не полетит завтра на вертолете, чтобы вершить добрые дела.

Шилов глядел Сонечке в спину, а она смотрела только вперед, и Шилов в который раз залюбовался Сонечкиной спиной и ее ладной попой. Он мечтал обнять девушку, но сегодня Соня была такая же далекая и чужая, как позавчера, а может и еще дальше. Он смотрел на нее, и когда она остановилась, остановился тоже.

– Шилов... – кликнула Сонечка, и голос ее сорвался, и он понял, что случилось что-то плохое. Подошел к Соне, замер и неподвижно стоял рядом с ней и смотрел на Валерку, который в своей черной, надутой ветровке и черных джинсах казался продолжением креста, на котором висел, опустив безвольный подбородок на цыплячью грудь. Промокшие Валеркины волосы облепили лоб, и открыли изрядную лысину на темени. Глаза его были закрыты, под левым расплылся большой фиолетовый синяк.

Молния осветила небо, и Шилов вздрогнул, потому что увидел, что ладони Валерки прибиты гвоздями к перекладине, а шляпки гвоздей торчат из дыр в джинсах на голених. Шилов увидел темные пятна на брюках и засохшие струйки крови на ладонях Валерки. Он подошел к кресту и тронул Валеркину руку, провел ладонью до его подбородка, схватил двумя пальцами и приподнял его, чтобы заглянуть в Валеркины пустые глаза и только тогда осознал, что случилось немыслимое – Валерка умер. Шилов отступил на шаг и увидел, что из правого кармана Валеркиных джинсов выглядывает краешек блокнота с картонной обложкой, обтянутой дерматином. Шилов вытащил блокнот и перелистал его, но буквы не складывались для него в слова, а слова – в предложения, потому что Шилов понял вдруг, что Валерка висит здесь с того времени, когда он на пару с Духом выдирает крылья у молчальника. Может быть, он висел уже тогда, когда Шилов проходил мимо; крикнул ему из последних сил, но Шилов не пришел на помощь.

Сонечка плакала за его спиной. Он подошел к ней и обнял, а она не отстранилась, и седые ее волосы нахально полезли Шилову в лицо, щекотали ноздри, и он хотел чихнуть, но сдерживался. Смотрел на белое, похожее на простоквашу лицо Валерки и понимал, что нечто надломилось в нем, в Шилове, что нечто сломалось и в мире, который окружает его.

Глава пятая

Они хоронили Валерку на восточном склоне холма. Притащили фонарики, и при неверном электрическом свете копали мокрую землю. Копали долго, потому что работа была непривычной, а дождь то кончался, то вновь припускал. Чернозем под ногами скоро пропитался сыростью и напоминал болото. Когда яма стала достаточно глубокой, Федька и Семеныч подтащили к ней тело Валерки и, раскачав, кинули труп навстречу холодной земле. Землица влажно причмокнула, принимая мертвеца. Вверх полетели брызги, запачкали одежду. Никто не обратил на это внимания.

Сонечка шептала, что это неправильно, что нужен гроб, настоящий деревянный гроб и бородатый чуть пьяный батюшка с кадиллом, но никто ее не слушал, и люди двигались как во сне, как в жутком, непрекращающемся кошмаре, когда знаешь, что происходящее – сон, но проснуться не получается.

Они выстроились в очередь, и каждый кинул в могилу горсть раскисшей земли. Шилов, бросая свою горсть, увидел лицо Валерки, измазанное в грязи. Он кинул, и мокрая земля залепила Валеркины глаза, попала ему в приоткрытый рот и на посиневшие губы. Шилону стало тошно, а на лице – он почувствовал, – появилось выражение брезгливости, и он поспешно отошел, чтоб никто этого не заметил. Когда закапывали Валерку, он в работе не участвовал, вместо этого обнял Сонечку и шептал ей на ухо, успокаивая, а она грызла кулак, крепко прижав его к губам и носу, и плакала. Шилов все шептал и шептал и вдруг поймал себя на том, что обращается не к Соне, а к себе и утешает себя, называя вслух свое имя, и замолчал, но Сонечка, к счастью, ничего не заметила. Когда с могилой было покончено, Федька воткнул в землю крест, наспех сооруженный из двух досок и одного гвоздя, отошел в сторону, а вперед вышел грязный по пояс Семеныч в зеленой спецовке. Он нацепил на переносицу широкие очки с толстыми линзами, и стоял с раскрытым Валеркиным блокнотом в руках, а Федька Кролик за его спиной светил фонариком на страницы. Семеныч говорил про то, каким замечательным человеком был Валерка, а сам листал блокнот и внимательно разглядывал страницы, и, казалось, что говорит не он, а кто-то другой, потому что Семеныч на самом деле слишком погружен в чтение.

Семеныч обвинял их в том, что не уследили за Валеркой, что слишком мало обращали на него внимания, вот он и свел счеты с жизнью, а Шилов думал, что это чушь и никак не мог Валерка свести счеты с жизнью, прибавив самого себя к кресту; Шилов думал, что Валерку убили, но вслух этого не говорил и притворялся, будто внимательно слушает панихиду Семеныча.

– Вот! – сказал вдруг Семеныч и стал вслух зачитывать отрывок из блокнота: – «И нет у меня здесь друзей, хоть я и очень надеялся на то, что они появятся. Один Шилов иногда замечает меня, но и он вечно в делах и заботах, а если и заговорит, начинает сыпать цитатами мертвых классиков, причем зачастую путает их имена, да и цитаты ни к месту совершенно приводит. Впрочем, не важно. Проанализировав собственную жизнь, если ее можно, конечно, назвать жизнью, я сделал вывод – нет у меня никакой возможности помочь миру, кроме как через самопожертвование. Я должен повисеть на кресте и умереть ради того, чтобы вернуть долг миру. Мля.» Вот! – повторил громогласно Семеныч, и все молчали, пристыженные этим самым «Вот!», и только дождь не стыдился и шлепал по земле у ног, да и по ногам тоже, а гроза гремела совсем близко, вспышками ослепительно-белого озаряя серую землю.

Семеныч водрузил очки на лоб и посмотрел вверх и вперед, и все стали поворачивать головы, чтобы посмотреть туда же. Шилов обернулся. С холма к ним спускался Дух. Хозяин печального дома сменил форму; на груди у него позвякивали медные, серебряные и золотые медали; левой рукой Дух придерживал роскошную фуражку с плюмажем, а правой со свистом рассекал воздух. Он остановился неподалеку и стащил с головы убор, вытянулся в струнку и

замер, разглядывая собравшихся и крест над могилой. Все тупо смотрели на его лысую голову, исцарапанную тупым лезвием.

– Чего тебе? – глухо спросил Семеныч, но Дух не ответил. Он постоял несколько минут и молчал при этом, и все молчали тоже, а потом он развернулся, притопнул сапогами и пошел прочь, чеканя шаг, и Шилов разглядывал золоченые шпоры с серебристыми зубчатыми колесиками на его сапогах, а кто-то прошептал тихо, но отчетливо: «Дух, ёперный театр... Дух убил...» Шилов обернулся, чтобы посмотреть, кто шептал, но столкнулся с тяжелым из-под бровей взглядом Семеныча. Вздрогнул, потому что вспомнил, что Семеныч видел его утром в одежде, покрытой пятнами крови. Шилов отвел взгляд и зарылся носом в шелковистые Сонечкины волосы и всю церемонию избегал заглядывать в глаза Семеныча, однако чувствовал – тот следит за ним.

Эту ночь Сонечка провела вместе с Шиловым. Они лежали на одной кровати совсем близко друг к другу, одетые. Соня плакала, а он утешал ее, бегал на кухню за водой, если Соня просила пить, поил ее из кружки как ребенка, вытирал ей слезы мягким полотенцем, а затем ложился рядом и рассказывал какую-то совершеннейшую бессмыслицу, лишь бы не молчать. Сонечка успокаивалась и вскоре уткнулась носом в подушку и мирно засопела, а Шилов прикрыл голые ее ноги простышкой и осторожно, чтоб не скрипнуть половицей, поднялся. Взял с тумбочки пачку сигарет и вышел во двор, но не с той стороны, где крест, а с фасада. Входная дверь бесшумно открылась, и он увидел Семеныча, который стоял у его забора спиной к нему и курил. Семеныч не сменил грязную спецовку, и грязь засыхала прямо на одежде. Шилов подумал, что, наверное, стоит вернуться тихонько в дом и покурить с другой его стороны или хотя бы подымить в форточку на кухне, и совсем уже собрался закрывать дверь, но Семеныч сказал громко:

– Смотри-ка, Шилов, тучи разогнало и небо теперь чистое-чистое, а воздух свежий, вкусный и цветочным ароматом напоен. Самое время закоптить легкие очередной сигареткой. Э-эх, да я п-поэт почти, гребанный поэт с тонкой душевной организацией. Ты выходи, не стесняйся.

Шилову ничего не оставалось, и он вышел, прислонился к забору слева от Семеныча и достал сигарету. Семеныч протянул ему зажигалку, Шилов прикурил. Они стояли рядом и смотрели на серебряную луну и на звездное небо, по которому плыли редкие круглые облака. Пока Шилов курил первую сигарету, упали четыре звезды. Он вздрагивал каждый раз, когда срывалась новая. С речки дул ветер, и был он на удивление теплый, ласково согревал замерзшего после дождя Шилова. Влажно поблескивали крыши и серые водостоки, а во дворе напротив горела стосвечовая лампочка, и кружилась мошкара над неубранным столом, на котором в беспорядке валялись бутылки, опрокинутые ветром, и тарелки с остатками еды.

– Хорошо! – сказал Семеныч, и Шилов согласился: да, мол, в самом деле, хорошо.

– Помнишь наш утренний, нос-понос, разговор? – спросил Семеныч, и Шилов кивнул: да, мол, помню.

– Ты опять не пришел на площадку вовремя. По словам Проненко ты вообще не пришел, и мне начинает казаться, что ты избегаешь вертолета.

– Это неправда, – тихо ответил Шилов.

– Я верю, – легко согласился Семеныч. – Не такое это место, чтобы кто-нибудь врал. Нет у нас тут врунов, воров и убийц.

«Вруны есть, – подумал Шилов. – Все врут понемножку. Воров и впрямь нет, потому что нечего воровать, всё у всех есть, походи и возьми. А убийцы...» – Он посмотрел на Семеныча, на его большой нос и жалящие будто осы глаза, а Семеныч тоже повернулся к нему и посмотрел цепко и пронзительно. Шилов первым отвел взгляд.

– Возвращаясь к нашему утреннему разговору, Шилов... – растягивая слова, произнес Семеныч, – ты грязный был весь, а на одежде – пятна крапом. Красил, небось, что-то?

– Да, – ответил Шилов и немедленно исправился: – То есть... то есть, нет. Не красил, а собирался, спустился в подвал за банкой краски и поднял ее наверх, но вдруг передумал и решил прогуляться. Когда ставил банку на пол, чуть не уронил, и часть краски попала на одежду.

– Что красить хотел? – глухо спросил Семеныч, и душа Шилова ухнула в пятки, но он продолжал гнуть свое:

– Да так... дверь, в общем, входную. Зачем и сам не знаю. Разнообразия захотелось. Дай, думаю, покрашу, погляжу, что получится, а если фигня получится – так в новый дом перееду и баста.

– Понятно, – ответил Семеныч, а Шилов мысленно накричал на себя, потому что не мог и не хотел рассказывать о Духе и обескрыленном Сонечкином сыне, но и такую чушь выдумывать не должен был.

– Вот что, Шилов, – сказал Семеныч, – я надеюсь, завтра ты придешь на площадку вовремя, а если нет... – Он замолчал, затянулся, выпустил дым длинной струей, как чайник или паровоз и умолк. Шилов ждал окончания фразы. Ждал очень долго. Семеныч затянулся еще пару раз, сплюнул тягучей желтой слюной на блестящий асфальт и выкинул окурочек в лужу. Открыл калитку и вышел на дорогу; замер у обочины, будто вспомнил что-то важное и сказал, не оборачиваясь:

– Знаю, Соня с тобой ночует сегодня. Она девчонка замечательная, я ее как р-родную дочь люблю. Хочу, чтобы у нее все было хорошо. Ты понимаешь меня, Шилов?

Шилов кивнул, хотя Семеныч не мог его видеть, нервными пальцами вынул из пачки новую сигарету и закурил, а Семеныч перешел дорогу, влез в беседку и сел за стол; налил себе водки. Шилов выкурил третью сигарету, а потом четвертую. Он следил за Семенычем, за его волосатыми ручищами, которые подносили ко рту рюмку за рюмкой, следил за его согбенной спиной и густыми бровями, из-под которых в пустоту обвиняюще глядели глаза, не умевшие прощать. Шилов достал пятую сигарету, но дрожащими пальцами случайно отломил фильтр, смял окурочек в кулаке, кинул на землю и со словами: «Блят-ть, растудыть», которые совсем не подходили к царящей вокруг таинственной обстановке, впечатал каблуком в асфальт.

Глава шестая

Шилов продрал глаза в пять утра, увидел рядом с собой спящую Сонечку и вспомнил, что вчера произошло, но после бессонной ночи не мог толком осмыслить случившееся, поэтому пошел на кухню, где заварил в турке крепчайший кофе и выпил его без сахара и сливок, залпом, как водку. Сон прошел, но скудность мысли осталась. Шилов решил выйти освежиться, но через переднюю идти не стал, потому что боялся нового разговора с Семенычем. Обулся и вышел через задний двор. Было еще темно, но рассвет уже занимался морковной и багровой красками на востоке, а крест торчал на вершине холма как черная несмываемая метина на синем небе, как шрам, который старались облетать даже облака.

Шилов отвернулся и, пытаясь ни о чем не думать, пошел, куда глаза глядят. В голове все время вспыхивал образ прибитого к кресту Валерки. Чем больше Шилов старался не думать о нем, тем хуже у него получалось. Если Шилов вспоминал Соню, крест проглядывал сквозь развевающиеся седые волосы, если вспоминал речку, крест превращал ее в топкое болото и как уродливый прыщ торчал над водной гладью, если вспоминал свой дом, крест, разворотив деревянные полы, упирался в потолок. С невысказанным укором глядел на Шилова мертвый Валерка, прибитый к кресту, желто-красная слюна капала из открытого рта. «Полетел бы на вертолете, и все бы было в порядке, мля, – шептал Валерка. – Полетел бы, мля...» Вскоре Валерка только и делал, что произносил свое неизменное «мля».

Выкинув из головы эти мысли, Шилов огляделся и понял, что вышел на дорогу и направляется к печальному дому. Он хотел повернуть обратно, но ноги сами несли дальше, и вскоре Шилов вошел в памятную долинку, которая в рассветных лучах солнца выглядела не так страшно. Чирикание желтопузых птиц заглушали хлопающие ставни. Дух сидел на своей верной скамейке. На нем была старая буденовка, он курил приму в длинном закопченном мундштуке. Дух смотрел на небо. На земле у его ног валялись странные устройства, похожие на винтовки, которые Дух выкапывал у кромки леса. Устройств было два.

– Здорово, Шилов! – приветливо воскликнул Дух, мигом спрыгнул со скамейки и подобрал с земли винтовку; одну повесил на плечо, пристегнув ремешок к погону, а вторую кинул Шилову. Тот поймал ее и озадаченно повертел в руках.

– Что это, Дух? – спросил Шилов, гадая на «вы» с Духом следует разговаривать сегодня или все-таки на «ты».

– Это, друг мой сосиска, винтовки для охоты за ведьмами, – ответил дружелюбно Дух и щелчком поправил сползающую на глаза буденовку. – Я их переделал из тех, которые из-под земли вылупляются.

– Зачем они?

Дух расхохотался, подошел и толкнул Шилова в плечо:

– Говорю же, для охоты на ведьм. Ты чего, кстати, задерживаешься? Целый час жду тебя.

– Мы вроде не договаривались... – ответил Шилов неуверенно.

– Конечно, не договаривались! Но я знал, что ты придешь.

Он присел на корточки и поманил Шилова пальцем. Шилов присел рядом с ним. Дух пальцем начертил в податливой земле три дерева (палочка и кружочек сверху), двух человечков (четыре палочки, два кружочка), пяток колобков без ртов и носов, зато с глазами, и лучистое солнышко, глазастое, растянувшее рот в улыбке. Сказал серьезно:

– Диспозиция, Шилов, такова: вот лес, в котором ведьмы, вот мы, которые стоят напротив леса и должны в него войти без всякой – заметь! – рекогносцировки. Вот улыбочное солнышко, которое в лесу нам не поможет, потому что кроны деревьев в нем срослись и не пропускают, ёптель, солнечный свет. В ходе спутниковых наблюдений я, Шилов, выяснил, что ведьмы сосредотачиваются в этой части леса, – Дух ткнул пальцем в рисунок и дорисовал возле дере-

вьев две волнистые линии, – именно здесь, возле реки. Если мы не уничтожим эти проклятые информационные сгустки, Шилов, они проникнут в город и наведут шороху среди гражданского населения, поэтому надо действовать быстро и решительно. Ты готов?

– А какие могут быть спутниковые наблюдения, если кроны деревьев сплелись?

– Какие-какие!... – с едкой ухмылкой ответил Дух. – Инфракрасные! Так ты готов?

– Готов, – буркнул обалдевший от такой информации Шилов. Сначала он хотел отказаться, но вспомнил Семеныча, представил, как будут смотреть на него, Шилова, ребята, как они начнут перешептываться за его спиной и замолкать, когда он посмотрит им в глаза, и решил пойти с Духом.

Лес встретил Шилова и Духа угрюмо, неприветливо: мрачным, беспокойным шепотом в хмурой зеленой листве, и Шилов тотчас же споткнулся о корягу, ловко спрятавшуюся в траве, и долго скакал на одной ноге, матерясь шепотом. Дух показал ему кулак и крикнул на весь лес, вспугнув оранжевых пичуг, что сидели на ветках:

– Молчи, солдат!

Шилов замолчал, но не от того, что Дух приказал, а потому что испугался, что голосом своим приманит ведьм, и они, ведьмы эти, сотворят с Шиловым что-то ужасное, хотя Шилов совсем не представлял, что такого ужасного может совершить черный сгусток с огненными глазами, а спросить у Духа стеснялся. Дух вел себя странно, перемещался по лесу перебежками от одного дерева к другому, вжимался спиной в шершавую кору и стрелял глазами во все стороны, а вороненую винтовку прижимал к груди нежно, как любимую женщину, и, кажется, иногда поглаживал казенник. Что-то шептал, будто ободрял ее. Шилов брел за ним напролом, глядя под ноги, но один раз все-таки отвлекся и в тот же миг угодил кроссовкой в муравейник. Долго стоял, упершись рукой в шершавую кору, прикладом счищал и давил муравьев, которые самым наглым образом заползали под штанину. Покончив с ними, поднял голову и не увидел Духа. Стал судорожно вертеть головой, но вокруг были только деревья, а под ноги мягким ковром стелилась трава. Ветер шелестел листвой, нашептывал что-то непонятное, чужое, и от этого шепота Шилову стало жутко. Он взял оружие наизготовку и внимательно следил за лесом, прислушивался к каждому шороху и тихонько звал Духа. Кричать не решался. Вроде бы вспомнил, в какую сторону направлялся его напарник и пошел туда, но скоро уперся в край лога, склон которого круто уходил вниз, а дно заросло чемерицей. По дну бежал, стуча о гладкие камни, и блестел на солнце прозрачный ручей. Деревья в этом месте расступались, и солнце светило Шилову прямо в глаза. Он, привыкший к сумраку, шурился и беспокойно оглядывался, пытаясь угадать, куда подевался Дух. Заметил след на земле; след был свежий, но смазанный, и Шилов не мог решить, человеку он принадлежит или зверю.

Тем не менее, Шилов пошел по краю лога в сторону, куда вроде бы указывал след. Солнце светило в спину, и Шилов подумал, что направляется как раз к реке. Он шел и шел, ожидая, что в любой момент увидит реку, но река не показывалась, зато в больших количествах объявились комары, которые стали кусать Шилова. Он отмахивался руками и прикладом. Вскоре комаров стало меньше, и Шилов обрадовался, но тут же замер и потянул носом – из оврага потянуло гнилью. Шилов подошел к краю лога и, присев на корточки, осторожно глянул вниз, и увидел огненно-красные глаза, и что-то темное, похожее на кляксу, в высокой траве, а рядом с этим темным – три или четыре трупика оранжевых птиц, которые и источали вонь.

Шилов стоял и смотрел в красные глаза и не мог отвести взгляд. Он поднял винтовку и собрался прицелиться, но тварь метнулась по дну оврага. Трава расходилась за ней как волны на море. Шилов прицелился из винтовки, ствол мотало, но Шилов кое-как совладал с дрожащими руками, прицелился с запасом, чуть впереди ведьмы, и выстрелил. Запахло озоном, из дула вырвался огненный сгусток, спаливший воздух перед Шиловым; отдача была слабая, а вот жаром Шилова обдало неслабо. Он отшатнулся и не успел посмотреть, попал в ведьму или нет. Долго дул на обожженные пальцы. Осмотревшись, увидел, что трава пожелтела и скукожилась

там, где он только что стоял, и прошел немного вдоль лога, позволяя холодному ветру остудить горячее лицо. Снова подошел к краю, глянул вниз, но ничего не увидел, кроме горелого пятна на земле. Решил, что промахнулся.

Сзади зашуршало. Шилов резко обернулся. Успел увидеть несущихся на него ведьм. Нажал спусковой крючок. Воздух полыхнул ярко-красным. Кажется, огнем на этот раз опалило ресницы. Шилов вскрикнул от боли, сделал шаг назад, нога не нащупала опоры, и он, качнувшись, сорвался и покатился вниз по склону. Уцепился за корень, что торчал из земли. Остался висеть, вжимая тело в почти отвесный склон. Винтовка выпала из рук и укатилась на дно. Шилов посмотрел вниз и увидел трупки оранжевых птичек прямо под собой и винтовку в траве. Кое-как развернулся, отпустил корень и на заднице безболезненно съехал вниз. Воняло нестерпимо, но Шилову было не до того. Он схватил винтовку и направил ствол вверх. Солнце ослепило глаза. Шилов часто моргал и, вытирая выступившие слезы, смотрел на нависающие над головой стволы деревьев. Ждал, что вот-вот вынырнет ведьма, но ведьма не появлялась, и Шилов решил, что подстрелил ее. Озираясь, он прошел вдоль ручейка по дну оврага и нашел кусок выжженной травы, куда попал в первый раз, но никаких следов ведьмы не обнаружил. «Наверное, после выстрела они исчезают...» – подумал Шилов. Еще он подумал, мыслитель этакий: «Ёпт!». Потом: «Ну вот, заразился у Духа этим дурацким «Ёпт», такая фигня».

«Что же это за существа такие, – с раздражением думал Шилов, наступая в пепел, в который превратилась трава, и расшвыривая его кроссовками. – И что, ёпт, за оружие?»

Шилов обнаружил, что оружие не только сожгло траву, но и обезводило почву, которая стала сухой и под ногами Шилова вздымалась серой пылью – и такой земля была до глубины в полтора пальца. Шилов проверил это, ткнув палкой. Подивившись мощи оружия, Шилов пошел дальше по дну оврага. На этот раз он шел медленно и часто останавливался, прислушиваясь к шорохам и голосам лесных птиц, а потом снова шел и до рези в глазах вглядывался в каждый холмик и трещину в земле, потому что ведьмы представлялись ему плоскими как муляжышки, а значит, вполне могли спрятаться в узкой трещине или за кочкой.

Метров через сто Шилов услышал, как впереди шумит река, вздохнул свободней, и ускорила шаг. Он побежал и совершенно потерял бдительность, когда ему навстречу из зарослей орешника выскочили сразу две ведьмы; Шилов затормозил, поднимая винтовку, но ведьмы были совсем близко, в метре, в сантиметре, в миллиметре, и он открыл рот, чтобы закричать, но не успел.

Шилов находился в огромной комнате, полы, стены и потолок которой были выполнены из серого пластика. Конференц-зал, подумал Шилов, с любопытством разглядывая обстановку. Перед ним стоял отполированный до зеркального блеска длинный стол, который окружали стулья с высокими спинками, обитыми красным бархатом. Стульев было много, под сотню, но все они, кроме одного, пустовали, а на том одном сидел, развалившись, низенький, но крепкий мужчина в военной форме мышинного цвета без знаков различия. Заплывшие глазки металась в глазницах без всякой системы, мужчина стучал пальцами по лакированной столешнице. Шилов следил за его пальцами, отстукивающими морзянку, и думал, что ничего нет важного в этих самых пальцах, которые стучат, но оторваться не мог и продолжал следить за ними, как за гипнотизированным. Он хотел спросить у мужчины, как он, Шилов, здесь оказался, ведь только что были лес и ведьмы, но не сумел вымолвить ни слова.

– Мне вас рекомендовали, господин Шилов, – приятным баритоном произнес мужчина, и Шилов, наконец, смог оторваться от его узловатых розовых пальцев и посмотрел мужчине в лицо. Лицо его было такое же розовое, как и пальцы, а щеку пересекал длинный шрам, которого мужчина совсем не стеснялся и, кажется, даже нарочно выпячивал. Взгляд у мужчины, когда он перестал озираясь, оказался доброжелательный, добрый такой, а улыбка искренняя, открытая, и именно поэтому Шилов не поверил ей. Слишком уж приятное и располагающее к душевному разговору, если не считать шрама, лицо было у собеседника. Шилов отвернулся и посмотрел

на голографическую карту на стене. Местность на карте была ему незнакома, но он все равно глядел только на нее, лишь бы отвлечься.

Не дождавшись ответа, мужчина в форме сказал:

– Говорят, вы лучший специалист.

– Я – не специалист, – сказал Шилов и удивился словам, что срывались с его губ против воли, но продолжил: – В большинстве ситуаций, в которых я оказывался, у специалиста не было бы и шанса.

– Об этом я и говорю! Второй шпажист никогда не победит первого, потому что играет по правилам; первого шпажиста победит только дилетант! Кажется, это у Марка Твена было, – преувеличенно бодро произнес мужчина в форме. – Софья Плошкина сказала, что вы лучший дилетант в управлении.

Шилов вздрогнул, имя это что-то напомнило ему. Софья? Соня? Сонечка? Странно, он совсем не обиделся на «дилетанта».

– Перейдем к делу, – губы Шилова зашевелились, рот раскрылся, и он произнес фразу, которую совсем не собирался произносить.

– Что ж, – пробормотал мужчина в форме, – перейдем. Скажите мне, господин Шилов, что вы знаете о расе...

Шилов не дослушал конец фразы, ему скрутило живот. Он наклонился, и его стошнило. Шилов смотрел в пол, но пола не было, под ногами шуршал белый песок, а речка шумела совсем рядом, и кто-то лил ему на голову прохладную воду. На самом-то деле, он не стоял в длинном и темном конференц-зале, а сидел на берегу реки, и блевал на этот самый берег столько, сколько хватало желудка. Кто-то помог ему подняться и отвел в сторону. Шилов вяло передвигал ногами и чувствовал себя слабым, как младенец. К ноге его прилипла серая ракушка, и он тряс кроссовкой, чтобы освободиться от нее, но не получалось, и он закрыл глаза, чтобы уснуть, но его снова окатили водой. Он закричал, пытаясь оттолкнуть обидчика, но руки не слушались. Шилов упал спиной на песок. Долго лежал, глядя в безоблачное небо. Небо было чистейшее, выскобленное прошедшими дождями, и Шилову оно нравилось. Потом небо загородила улыбающаяся физиономия Духа.

– Дух, я умер? – спросил Шилов и удивился, услышав свой голос – таким далеким и чужим он стал.

– Нет, солдат, ты еще жив и поборешься, – ответил Дух и из сложенных ковшиком ладоней еще раз плеснул ему в лицо водой. Шилов почти ожил, по крайней мере, смог сесть и сидел, качаясь из стороны в сторону, как пьяный. Вода, пахнувшая тиной, стекала с его волос и попадала в рот. Шилов отплевывался. Дух уселся рядом по-турецки и прикурил. От запаха табака Шилова опять затошнило, но блевать было нечем, поэтому он просто сглатывал тягучую кислую слюну и сипло дышал, широко раскрыв рот.

– Что случилось? – спросил Шилов у Духа.

– Ведьмы в тебя, Шилов, пролезли и накачали ненужной информацией. Но я этих пидорасок сжег, не бойся!

– Но как же... как же ведьмы могут быть пидорасками, и почему я сам тогда не сгорел...

Дух расхохотался, а Шилов скривился, потому что смех у Духа был неприятный, каркающий, и от него еще больше болела голова.

– Смотри, – сказал Дух и сунул ему винтовку под нос. – Здесь на казенной части рычажок специальный есть, у которого два положения. Когда рычажок в первом положении, оружие только на ведьм действует, во втором и человека сжечь может. Я тебе разве не объяснял, солдат?

– Нет...

– А ну не раскисать, ёпт! Поднялся! Быстро!

Шилов попытался послушаться, но ничего у него не вышло, ноги подкосились, и он упал на колени. Увидел перед собой реку и песок с торчащими из него камешками и ракушками. Глаза у Шилова заболели, потому что вода в реке сверкала как тысяча елочных игрушек, и это показалось ему самым красивым зрелищем на свете, но уж больно утомительным для уставших глаз.

– Там птицы дохлые в овраге, – сказал Шилов.

– Птичий мозг хрупкий и не выдерживает объема информации, который навязывает ведьма, потому птица быстро подыхает, – спокойно ответил Дух и снова гаркнул: – А ну, встать! Встать, я сказал!

– Не могу я, Дух, хоть и брат ты мне, но все равно не могу, – честно ответил Шилов, любуясь речкой. – Оставь меня в покое, дай отдохнуть.

– Ладно, – подумав, сказал Дух. – Собственно, я уже перебил большую часть ведьм и знаю, где прячутся оставшиеся, сейчас схожу туда и покончу с ними. С тобой же ничего не случится, потому что эти пидораски боятся открытых пространств. В общем, подожди меня часок, пойду проведаю пидорасок. Вот, кстати, твоя винтовка. Сейчас она в положении «только против пидорасок». В смысле, «только против ведьм».

Винтовка шлепнулась рядом, и Шилов кивком поблагодарил Духа.

– Почему ты назвал меня братом? – спросил Дух, помолчав.

– Не знаю. Получилось так.

– Странно у тебя все получается, Шилов!

– Бывает.

– А знаешь, почему меня назвали Духом?

– И почему же?

– Потому что «дух есть только то, что он знает о самом себе». Кто сказал?

– Лермонтов?

Дух захохотал:

– Ну, точно неспециалист, никакой ты в жопу не специалист, Шилов!

Шилов закрыл глаза и услышал, как Дух уходит, громко шлепая по песку босыми ногами, и, не раскрывая глаз, крикнул вслед:

– Дух, ты меня как живца использовал?

Он ждал ответа, но Дух не сказал ни слова, шаги его вскоре стихли вдаль, и Шилов подумал, что, верно, он не кричал, а сказал шепотом, поэтому Дух не услышал и не ответил. А, может, ему стало стыдно за Шилова, за то, что он мог подумать такое?

В реке плескалась рыба; иногда она подплывала к самой поверхности, вода в том месте бурлила, рыба чешуя блестела на солнце серебром, и Шилов подумал, что хорошо бы отец оказался рядом, и верная камышовая удочка очутилась в руках. Они б тогда сидели с раннего утра на бережку среди камышей и в полной тишине ловили рыбу, а над берегом висели б клочья молочно-белого тумана, за которыми угадывались бы очертания другого берега и доносились странные звуки. Было бы жутковато, но от этого только интереснее.

– Шилов!

Шилов повернулся и увидел длинные загорелые ноги и линялые джинсовые шортики с бахромой внизу, поднял голову и увидел белую ситцевую рубашечку с закатанными рукавами и руки, сложенные крест накрест на груди, а потом задрал голову чуть ли не к небу и увидел Сонечкино лицо, которое ничего не выражало, которое было совершенно чужое.

– Привет, Соня, – пробормотал Шилов.

Она присела рядом, взяла его за руку, пытливно заглянула ему в глаза и спросила тихо, так тихо и неуверенно, что Шилову показалось, будто она с трудом выдавливает из себя слова:

– Шилов, ты куда пропал?

– Вместе с Духом на пидо... на ведьм охотился.

– Зачем ты водишься с этим Духом, Шилов? Он – хозяин печального дома, а место то проклятое! Значит, и он проклят.

Шилов пожал плечами:

– Дух вроде нормальный, просто необычный...

Сонечка отвернулась к реке и смотрела на нее долго и внимательно, а потом прошептала:

– Я разговаривала с Семенычем, и он сказал, что Валерка не мог прибить себя гвоздями к кресту самостоятельно.

Шилов тоже стал смотреть на речку, и то, как она сверкала, и играла бликами настраивало его на добродушный лад, и он совершенно не мог волноваться из-за какого-то там Семеныча. Ему казалось, что если посмотрит на реку еще немного, то поймет что-то очень важное.

– Сонечка, родная, а давай смастерим удочки и как-нибудь утречком пойдем на берег ловить рыбу?

– Семеныч сказал, что видел тебя вчера утром, испачканного кровью.

– Придем рано-рано утром и будем рыбалить и не думать о том, что надо куда-то лететь и кого-то спасать.

– Семеныч сказал... – пробормотала Сонечка, и голос ее дрогнул. – Он сказал, что это ты, наверное, убил Валерку.

– А потом мы поймает рыбу. Мы поймает здоровенную щуку или леща или карпа или сома, усатого и жирного сома, которого мы подержим в руках, а он станет разевать пасть и хватать воздух, а жабры его будут раздуваться. Тебе, Сонечка, станет жалко сома, и мы кинем карпа в воду. Лещ сверкнет чешуей на солнце и уйдет на дно, а мне сначала будет обидно, что я отпустил щуку, а потом станет все равно, потому что рядом – ты, и никакая форель не заменит мне тебя. Потому что в рыбалке рыба – не главное.

– Семенычу очень плохо, – прошептала Сонечка. – Ты не представляешь, насколько плохо.

– Я не убивал, – сказал Шилов и умолк, потому что сам себе не поверил, потому что голос прозвучал фальшиво – хоть и не врал.

– Зачем ты сбежал рано утром? – спросила Сонечка, и голос ее стал звонким, и сама она как-то подобралась, вытянула шею, как обычно делал ныне мертвый Валерка, кожа ее покрылась мурашками, руки на коленях задрожали, и она то сцепляла их в замок, то царапала ими колени, то сжимала в кулаки. – Почему ты никогда не садишься в вертолет? Ты ни разу не летал с нами с самого своего появления!

– Не знаю... – грустно ответил Шилов. – Думаешь, не хочу? Хочу, но что-то все время мешает.

– Не знаю, верить тебе или нет, – прошептала Сонечка, и Шилов захотел погладить ей волосы, но она стала далекой и чужой, а может это он, Шилов, стал чужой – кто знает? – в любом случае, он не решился.

– Я не убивал, – повторил Шилов.

– Но Семеныч видел тебя, и на твоей одежде была кровь!

– Причина в другом, – сказал Шилов и снова не поверил себе.

– В чем же?

– Не могу ответить, – сказал Шилов и вспомнил, как они с Духом вели Сонечкиного сына обратно в его комнату, как старик дрожал и плакал, а бинты, которые закрывали шрамы на его спине, пропитались кармином, и кровь сочилась из-под них, капала на красный ковер и впитывалась в него. Шилов шагал за ними след в след и думал, что ковер, должно быть, когда-то был белый, но много людей, у которых обрезали крылья, прошли по нему, и поэтому он покраснел.

– Почему? – спросила Сонечка и посмотрела на него. Шилов увидел в ее глазах слезы, и захотел утешить ее, рассказать правду, но понимал, что от правды станет только хуже, и молчал.

– Семеныч дает тебе, Шилов, последний шанс, – сказала Сонечка, отвернувшись, и поднялась на ноги: – Если ты завтра не придешь на площадку и не сядешь вместе со всеми в вертолет, он пойдет на крайние меры.

– Какие?

Она не ответила.

Она пошла вдоль берега прочь от него, а он сидел и смотрел ей в спину. Шиллову хотелось выть с тоски, хотелось побежать, догнать Сонечку и пообещать ей все, что она захочет. Хотелось обнять ее и расцеловать, заняться с ней любовью прямо здесь, на берегу, но вместе с этим к Шиллову пришли другие чувства: смутная злоба, направленная непонятно на что, раздражение и нежелание – теперь особенно – лететь завтра на вертолете. Шилов вспомнил свои прошлые походы к стартовой площадке и понял, что всегда противился этой святой обязанности, всегда нарочно сдерживал шаг, притворяясь, что любит птиц или небо, а если времени оставалось слишком много, насвистывая, открывал калитки и заходил в пустые дома. Бродил по гулким, в идеальном порядке, комнатам, уговаривая себя, что занят важным делом, что подбирает себе новый дом вместо старого, который захламлен грязной посудой, нестиранной одеждой, липкими бутылками и раздавленными окурками. Если мимо проходила веселая толпа, которой руководил Семеныч, Шилов становился у окна, сложив руки на груди, и смотрел на них, но выходить наружу не спешил. Ждал, когда последний человек скроется за поворотом, да и тогда не выходил, а всё смотрел и смотрел в окно. Утыкался носом в запотевшее стекло, и ему казалось, что он упускает нечто важное. Какая-то мысль вертелась в мозгу, но Шилов никак не мог схватить ее за хвост и очень переживал по этому поводу.

Кто еще никогда не летает на вертолете и почему?

Проненко.

Дух.

Можно понять, почему не летает Дух, он лентяй и, в общем-то, тот еще «сапог», но почему не летит Проненко? Не мерзавец ведь он и не подлец, на самом-то деле, такие сюда не попадают. Так почему?

Шилов поднялся на ноги, сделал два неуверенных шага, чуть не упал в песок, но, разлившись на самого себя, сплюнул смачно, собрался, сунул руки в карманы и упрямо побрел вперед.

Солнце совсем недавно миновало зенит и жарило, как обычно, от души, превращая открытые пространства в духовку. В тени, впрочем, было не намного лучше. Шилов шагал по стартовой площадке и внимательно разглядывал дом с окнами разных размеров и форм. Он разглядывал дверь, которая сегодня была деревянная и покрыта морилкой, хотя несколько дней назад она была железная с янтарным глазком, а до этого – обита дерматином кофейного цвета, а еще раньше сделана из дымчатого стекла.

Шилов подошел к двери, щелкнул большим пальцем по лампочке, которая качалась под козырьком, отметил про себя, что у него точно такая же висит и качается у двери на задний двор, и позвонил. Долго ждал, нервно притопывая ногой, но никто так и не открыл. Шилов постучал в дверь кулаком, приложился ботинком, а потом отступил на пару шагов и крикнул нестандартным окнам:

– Проненко, открывай!

Проненко не открывал. Шилов внимательно осмотрел лампочку, качавшуюся под козырьком, над самым его, Шилова, носом и подумал, что раньше тут висела вовсе не лампочка, а два старинных фонаря с искусственными свечами – нить накаливания вместо фитиля – за стеклами. И Шиллову вновь почудилось, будто не принадлежит он этому миру, будто есть нечто неправильное в нем, в Шилове, и совершенно чужеродное здешним домикам из красного кирпича и серого шершавого камня, здешней прозрачной речке и мелкодисперсному белому песочку, чистому до звона небу и пушистым белым облакам. Шилов схватился за ручку двери,

которая вела в дом Проненко, чувствуя, как кусками сгнившей материи расплзается его представление о мире, как что-то поднимает завесу над закрытыми участками подавленной памяти. И он почти уже вспомнил, что это был за чужак в его недавнем сне, и что это был за вихрь от земли до неба. Он вспомнил. Почти...

Шилов открыл дверь, ожидая увидеть ухмыляющегося Проненко с пистолетом, ствол которого будет направлен Шилову в сердце. Он ждал, что Проненко скажет: «Так вот, дружище, заглянул ты сюда и увидел то, чего как бы не положено видеть, поэтому как бы умрешь».

Шилов открыл дверь, но не увидел ни Проненко, ни кого другого, да и прихожей или холла, украшенного гобеленами, который он почему-то ожидал увидеть, не увидел тоже. Ничего не было за дверью, кроме вечной и беззвездной тьмы, в которой вспыхивали и тут же гасли тусклые белые огни. Шилов стоял на пороге и смотрел в эту тьму, и казалось ему, что если сделает еще шаг, провалится туда и навсегда останется летать в беспроглядной тьме бездушным куском льда, а после сгинет без следа.

Он захлопнул дверь, трясаясь от нервного возбуждения. Отошел на несколько шагов. Взглянул на дом со стороны. Увидел, что окна в доме постоянно меняются и становятся то круглыми, то треугольными, то прямоугольными, а то и вовсе перекашиваются, искривляются, как на картинах абстракционистов, и будто улыбаются нахально, с треском растягивая рамы в стороны, и хохочут со злобой в лицо Шилову.

– Чертовщина какая-то... – пробормотал Шилов, пятась.

– Эй...

Шилов вздрогнул, но заставил себя спокойно обернуться и вздохнул с облегчением. Перед ним стоял не Проненко, а Дух в игриво сдвинутой набок буденовке. Из-под буденовки выбивался вихор, и Шилов отметил про себя, что совсем недавно Дух был лысый. Однако удивляться уже не мог – после того, что увидел за дверью.

Дух поигрывал ружьем, вертел его в руках и так, и этак, смотрел на небо, на пролетающих оранжевых пичуг. Шилов вспомнил, что одна из таких птиц доставила ему послание от Духа, и спросил:

– Послушай, Дух, а как ты птиц заставляешь слушаться?...

– Птицы, они хорошие, – невпопад ответил Дух и улыбнулся своим мыслям: – В прошлой жизни у меня была замечательная голубятня, и туда прилетали не только голуби, но и воробьи, и синицы, и другие пернатые. Я кормил птичек с руки. Потом началась война, меня призвали на фронт, я воевал, а когда вернулся домой, оказалось, что деревня осталась в полном порядке, и ни один дом не пострадал, только в голубятню мою попала бомба и полностью ее разрушила. Представляешь, Шилов? Из всех построек в деревне бомба выбрала именно мою голубятню. Какой гниде, спрашивается, повредила моя голубятня?

– Я...

– Теперь я знаю, Шилов, что случилось и почему. Какой-то человек, какой-то, уж прости за прямоту, пидор, похожий на тебя, не летал на вертолете, и в мире случались беды, которые он мог предотвратить, и умирали люди, которых он мог спасти. Этот человек был не так уж плох, Шилов, он просто позволял случиться злу.

Глаза у Духа сделались безумными, ствол винтовки медленно поворачивался в сторону Шилова, и Шилов думал, что нужно немедленно бежать прочь, но не мог сдвинуться с места и ждал чего-то, каких-то слов Духа, которые помогли бы ему понять, что не так с этим городом.

– Валерка – хороший парень, – сказал Дух грустно. – Он хотел прийти на выручку людям, но у него не получалось и тогда я протянул ему руку помощи. Пошел за тобой, Шилов, а когда ты зашел за дом, я поднялся на вершину холма. Валерка испугался меня, но я успокоил его. Я предложил ему помощь, и он согласился ее принять. Я прибил руки и ноги Валерки к кресту, и он умер, пожертвовал собой, отдал жизнь многим и многим несчастным. Может быть, чьей-то голубятне?

– Ты убил Валерку? – проямлил Шилов, который совсем перестал что-то понимать.

– Я надеялся, что заподозрят тебя и чтоб загладить вину, доказать обратное, ты полетишь на вертолете и будешь, наконец, помогать людям!

– Что? Из-за такой глупости ты убил Валерку?...

Дух держал в руках винтовку и целился в Шилова, а тот стоял и не двигался, потому что происходящее казалось ему совершеннейшей дичью, он даже подумал, что уснул и вот-вот проснется. Он зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что ничего не изменилось, что Дух по-прежнему смотрит на него в узкую прорезь прицела:

– Ты, Шилов, в Бога-то веришь?

Шилов молчал. Он увидел быструю тень, что скользнула по асфальту и скрылась, зашуршав облупившейся краской. Он внимательно следил за посадочной площадкой, и заметил место, где давал трещину асфальт. Вновь мелькнула тень и вновь исчезла в земле, но на этот раз гораздо ближе к Духу.

– Воды в рот набрали, господин Шилов? – с усмешкой спросил Дух. – Знаешь, а я ведь, нажав на курок, не человека убью, но блоху, тварь дрожащую, которая помочь людям решиться не может из-за собственной трусости. Так что все в порядке, и совесть моя чиста останется, ёпт.

Взметнулись сухая белая краска и пыль, и информационная ведьма бросилась к Духу, и влетела, вошла в его спину, растворилась в ней. Глаза Духа в тот же миг стали бессмысленными, и он упал на колени, выронив винтовку. Изо рта его протянулась струйка слюны, и это показалось Шиллову жутко знакомым.

Шилов действовал быстро: он подбежал к Духу и подхватил винтовку. Шилов дрожал от переизбытка адреналина и направлял оружие на Духа, но выстрелить не решался, хотя все внутри кричало: стреляй! убей гада, иначе он убьет тебя! Сердце бешено билось, выворачивая грудную клетку наизнанку, и успокоить его можно было одним способом – выстрелив.

– Вы все хотите, чтобы я полетел на вертолете, – сказал Шилов тихо, обращаясь больше к себе, чем к Духу: – С самого моего появления, вы хотите, чтобы я сел в этот чертов летательный аппарат и улетел, но я не делаю этого. Вы изворачиваетесь, придумываете что-то, давите на жалость, обещаете подарки или пытаетесь заставить с помощью силы. Зачем?

Дух не отвечал, глаза его закатились, он дергался как в припадке. Лицо его побледнело, синие полосы вен проступили на тонкой коже.

– Если я убью тебя, меня в наказание отправят на вертолете обратно? – спросил Шилов. – Еще один способ впахнуть меня туда? Очередная ловушка? Ты, Дух, даешь себя убить?

Дух не отвечал.

Шилов поднял винтовку, прицелился и выстрелил.

Дух упал на асфальт и лежал так некоторое время без движения. Ветер шевелил его длинные кудри, солнце возвращало лицу загар. А потом ветер прижал к ноздрям Духа клочок бумажки, и он, сморщив нос, оглушительно чихнул, заморгал и сел на земле, очумело глядя на Шилова. Шилов молча наблюдал за Духом, винтовку опустил стволом к земле и не шевелился, ожидая, как отреагирует хранитель печального дома.

– Шилов... – прохрипел Дух. – Шилов...

Буденовка слетела с его головы и укатилась, подхваченная ветром, в сторону домов, а Дух трогал свою вихрастую макушку, затылок, виски, заросшие бакенбардами, и шептал:

– Шилов... Шилов...

– Что, Дух? – тихо спросил Шилов. Ему показалось, будто он догадывается, что сейчас скажет Дух, и он действительно угадал.

– Шилов... ты должен полететь завтра... на вертолете... иначе я расскажу всем... расскажу всем, что ты принимал участие в операции, что ты отрезал крылья Сонечкиному сыну! Я всем расскажу и покажу его, покажу раны на его спине, ведро, где гниют крылья!

Голос Духа становился тверже, и он опять смотрел на Шилова с нахальной своей улыбкой, вот только картину портило то, что он все время касался головы и искал улетевшую буденовку, а еще то, что Шилов угадал его слова.

– Шилов... Шилов, чего молчишь?

Шилов медленно, на виду, развернул винтовку и коснулся казенника. Дух посмотрел на оружие и прикипел к стволу взглядом. Шилов перевел рычажок в боевое положение, а Дух все смотрел и смотрел на него. Шилов поднял винтовку и направил ствол на Духа.

Сказал:

– Убирайся.

– Шилов...

– Убирайся, иначе пристрелю!

– Шилов...

Дух долго не хотел подниматься, смотрел в глаза Шилову, а Шилов не отводил взгляда и, накручивая себя, смотрел в ответ, и тогда Дух поднялся на ноги и, прихрамывая, отошел в сторонку, а потом побежал, волоча ногу. Он морщился от боли, иногда вскрикивал, наступая на большую ступню, но бежал. Достиг тихой тенистой улочки, развернулся и закричал оттуда, сложив ладони рупором:

– Теперь все узнают, Шилов! Все!

Шилов нажал спусковой крючок, и огненный сгусток сжег воздух, умчался по направлению к Духу, и врезался в стену дома чуть левее его, разворотив кладку, а в стороны полетела кирпичная крошка и обратившийся в пепел цемент. Дух развернулся, побежал и вскоре скрылся за домами.

Глава седьмая

Дома все было также и, одновременно, по-другому. Не родной стал дом, чужой для Шилова.

Винтовку Шилов оставил у порога, прислонив к косяку. Прошел в зал, где остановился у окна и долго смотрел на задний двор, упершись руками в подоконник. Непослушные пальцы сами собой сгибались и сдирали податливую краску, а глаза не хотели смотреть на то, что было за забором, и Шилов поэтому глядел на сам забор, подмечая каждую трещинку, каждый торчащий из дерева незабитый гвоздь, каждое пятнышко. Он следил за птицами, которые по обычаю своему сидели на изгороди и перелетали с планки на планку. Происходящее казалось Шиллову зыбким и нереальным.

В дверь громко постучали. Шилов услышал голос Сонечки:

– Шилов! Шилов, открой, пожалуйста!

Он вспомнил ее тело, ее горячие руки и зеленые глаза, и посмотрел выше изгороди, прямо на крест, и показалось Шиллову, что это он сейчас висит на кресте, прибитый гвоздями. Он сморгнул, и увидел, что это не так, что никто там не висит, что крест пуст и черен, похож на чернильную кляксу.

– Шилов! Господи, да открой же!

Шилов вспомнил, что писал на берегу пару дней назад, что выводил в песке, когда речная вода раз за разом стирала его каракули. То же самое слово писал на асфальте Проненко, и слово это было «раб».

– Шилов! Шилов! Надо поговорить.

Шилов не ответил. Он открыл дверь на задний двор и вышел в поле. Шагал, руки пряча в карманах, навстречу кресту и солнцу, а у самой вершины холма свернул направо и обогнул вершину; спустился к другому кресту, маленькому и неприметному. Остановился у Валеркиной могилы и, повинувшись порыву, опустился на колени, сложил руки ковшиком, посмотрел на небо и закрыл глаза. Он хотел помолиться, но не знал слов ни одной молитвы. Он хотел сказать Богу все, что о нем думает, но испугался. Он хотел спросить у Бога, что же творится в аду, если это рай, но знал, что Бог не ответит, поэтому тянул и не спрашивал.

Шилов открыл глаза и понял, что стоит на коленях на грязной земле и выглядит при этом совсем глупо, и до того смешно стало Шиллову, что он улыбнулся до ушей и лег на спину в траву рядом с могилой Валерки. Сорвал травинку и сунул ее в зубы, закрыл ладонью глаза, и смотрел в щелку между пальцами на солнце и разнообразнейшей формы облака, которые плыли по небу строем, в одном и том же направлении и с одной и той же скоростью. Шилов смотрел на облака и думал, что дверь, за которой черная пустота и ничего кроме пустоты, есть в душе каждого человека. Некоторые всю жизнь не решаются приблизиться к этой двери, а иные все время стоят на пороге, но и тех, и других рано или поздно вышвырнет во тьму, в которую каждый день уходит Проненко.

– А вот если все люди одновременно закроют глаза, – прошептал Шилов, чтобы отвлечься, – и представят, что небо не синее, а, к примеру, зеленое или коричневое, а потом откроют глаза – таким оно и станет! Это правда. Кто-то ведь представил, что облака должны ходить строем и стало так.

Шилов решил проверить. Он закрыл глаза и представил, что небо коричневое, а солнце синее.

И он открыл глаза.

И снова закрыл.

Он долго еще открывал и закрывал глаза, забавляя самого себя изменением цвета небесного свода, и небесного светила, а потом ему стало тошно от мельтешения красок, и он вернул небу обычный цвет.

Шилов смотрел на обычное голубое небо, на обычное рыжее солнце, и ему стало до того лениво подниматься и даже думать стало лень; он закрыл глаза и уснул, убаюканный запахами душистых трав и медленными,двигающимися строго по порядку, клоками небесной ваты.

Он с трудом удерживался на ногах, заставлял свои волшебные сапоги врасти в землю, а руки расставил в стороны, будто останавливал ветер, словно обнимал и сразу же отталкивал разыгравшуюся стихию. Он смотрел в глаза с вертикальными зрачками и на палец, который указывал на смерч за его спиной.

Он попросил:

– Объясни мне, пожалуйста, почему я должен пойти туда.

Он сказал:

– Мне кажется, я погибну. Ведь невозможно, что я войду в смерч и останусь жив, верно?

Чужак молчал. Он склонил голову к плечу и глядел на Шилова. И не видел в его глазах ненависти Шилов, а только добродушие. Добродушным на вид людям верить нельзя, думал Шилов, но сероглазый – не человек.

– Докажи, что я должен войти в этот смерч, докажи, что я не погибну, если войду!

Чужак помотал головой.

– Ты не будешь ничего доказывать? – закричал Шилов; не потому он кричал, что ему стало страшно, а потому что сама земля вздрагивала и стонала. Тарелка чужого тоскливо звенела, а край ее со скрежетом приподнялся над землей, и мелкие камешки били по блестящему ее боку, оставляя вмятины. Попадали камни и в лицо чужаку, «украшая» его кровотокащими ранками. Шилов почему-то ожидал, что из ран польется синяя, основанная на меди, или, к примеру, белая как простокваша кровь. Но кровь была обычная, темно-красная, густая, человеческая. Она застывала на лице чужака, а он улыбался и показывал ладонью на смерч.

– Докажи! – закричал Шилов.

Чужак опустил руки. Он приподнял голову, наклонился над землей, макнул палец в ранку на лице и размашисто написал на земле слово, написал его кровью, и слово это было «раб».

– Я – не раб... – пробормотал Шилов.

Он закричал:

– Я – не...

Шилов проснулся. Черные тени нависали над ним, загораживая солнце, и он привстал на локтях. Поморщился, потому что лицо успело обгореть на солнце, и кожа зудела. Кружили надоедливые мошки. Он протер заспанные глаза, сел. Увидел стоящих рядом грустного великана Семеныча, ухмыляющегося Проненко, Федьку и остальных. Повернул голову направо и заметил печального Духа, который нарядился на этот раз в толстую суконную куртку синего цвета с разрезом внизу, белыми отворотами и пристегнутым к левому плечу белоснежным эполетом. Начищенные медные пуговицы блестели на его мундире и слепили Шилову глаза; он не сразу заметил стоявшего чуть в стороне Сонечкиного сына. Старик сутулился, смотрел вниз и хрипло дышал, кутаясь в белый с желтыми пятнами халат, а на коленях перед ним стояла Сонечка и плакала, обхватив руками его дрожащие колени. Шилов хотел сделать шаг к ним, но Дух загородил дорогу, молодцевато стукнул сапогами и посмотрел на Шилова с презрением.

Еще дальше, в поле, стоял вертолет. Он был большой, вместительный, он, казалось, впитывал солнечные лучи и выглядел как малахитовая гора, как огромная бородавка на бескрайнем зеленом поле.

– Дух нам все рассказал, – глухо проговорил Семеныч, и Шилов кивнул, не стал уточнять, что именно рассказал Дух. И так ясно – наврал с три короба. Хотя насчет Сонечкиного сына часть правды, наверное, сказал.

– Это последний шанс, – сказал Семеныч. – Иди к вертолету. Или...

Только сейчас Шилов понял, что они вооружены, что они сжимают в руках Духовские винтовки. Поблизости нет информационных ведм, значит цель – Шилов.

Он покачал головой.

Проненко засмеялся. Он хватался за живот, глотал воздух, силясь что-то сказать, но заходился смехом и ничего не говорил. Он тыкал в Шилова пальцем, и его каркающий смех в наступившей тишине был особенно неприятен. От него, смеха этого, еще больше заболела голова у Шилова, и он захотел накричать на Проненко, но вместо этого сказал:

– А мир-то ваш – подделка.

Семеныч нахмурился. Федька Кролик ухмыльнулся. Проненко продолжал ржать, будто услышал еще одну забавную шутку. Остальные зашевелились, зашептались, стреляя глазами в сторону Шилова. Кто-то повесил винтовку на плечо, кто-то, наоборот, поднял ствол и направил на Шилова.

– Облака строем не ходят, – сказал Шилов, чем вызвал новый приступ смеха у Проненко.

Расталкивая толпу, к Шиллову кинулась бледная как мел Сонечка. Она упала перед ним на колени и, рыдая, хватала его непослушными руками за штанины, за руки, тянула к себе, к своему лицу. Шилов хотел прикоснуться к ней, хотел снова почувствовать знакомое тепло ее кожи, потрогать ее мягкие седые волосы, но он помнил, что это всего лишь морок, и стоял, не двигаясь, смотрел поверх Сониной головы.

– Я прощаю тебя... – шептала она. – Я прощаю тебя, Шилов... я люблю тебя, пойми... пожалуйста, пойдем со мной... пойдем к вертолету... мы сядем в него вместе, только ты и я, и улетим, навсегда улетим из этого места...

– Выходи, сероглазый, – сказал Шилов громко. – Я знаю, что за иероглиф ты начеркал на песке: «раб». Но ты не добился своего. Я никогда не стану твоим рабом.

Он внимательно оглядывал каменные лица бывших друзей, но видел только одно лицо, и оно принадлежало сероглазому. Он посмотрел на гогочущего Проненко и произнес устало:

– Ты, Проненко, может, заткнешься, а?

Проненко, все еще смеясь, утер слезы и сказал, заикаясь:

– Хех... ты, Шилов, в одном как бы ошибся... хех... как бы в одном ошибся ты, Шилов.

Не «раб» то слово означает, вовсе нет...

Шилов ухмыльнулся:

– Оставь, сероглазый. Я помню. Я все вспомнил – понимаешь? И тебе больше не запудрить мне мозги.

– Выходи, сероглазый! – закричал он. На самом деле Шилов закричал: «Выходи, сероглазая пидерастическая скотина!» – но это характеризовало его как ксенофоба и шовиниста, поэтому редактор книги поступил очень правильно, вычеркнув последние два слова.

Тогда, несколько месяцев или даже дней назад, мужчина в военной форме мышинового цвета без знаков отличия, сказал ему, Шиллову, крупнейшему неспециалисту по нечеловеческому мышлению:

– Разведчики из кубы Д5 доложили, что обнаружили на планете Калитка разбившийся летательный аппарат сероглазых.

Шилов тогда, несколько дней назад, вздрогнул, но не подал виду.

– Для контакта на планету спустился крупный спец из того кубы, – продолжил мужчина в сером. – Он пропал. Пропали, к тому же, несколько оперативников, пытающихся вступить в переговоры с чужаком. На наши запросы чужак не отвечал. Предложение о диалоге игнорировал. Когда пропало еще несколько человек, полковник, командующий операцией, отдал приказ бомбить сектор, куда приземлилась тарелка. Это ничего не дало. Чужак закрылся от ударов, используя неведомую технологию. Полковник действовал против приказа, его разжаловали и отдали под трибунал.

– Вы хотите, чтобы я пошел на контакт с сероглазым? – помолчав, спросил Шилов.

– Именно, – кивнул мужчина. – Если не вы, Шилов, то кто?

Шилов смотрел на голографическую карту, на стулья, обитые бархатом, на блестящий в свете тусклых квадратных ламп стол.

Он знал, что кроме него – на самом деле, некому.

– Ты взял мои представления о рае, распотрошил мое подсознание, с ловкостью матерого рыбака выуживая из него знакомых людей и отрывочные знания и представления: о библии, о мире, о боге. О Сонечке, – пробормотал Шилов и погладил ее волосы, а она заплакала еще горше. – Ты создал этот недорай в моем собственном мозгу, создал для одной единственной цели: чтобы я сел в вертолет. Ты ошибся в мелочах: облака не ходят строем. Люди не могут каждый день устраивать вечеринки. Еда и одежда не появляются из ничего. Наверное, ты спешил, вот и пожертвовал логикой мира. Думал, что быстро меня сломаешь. Ты хотел увезти меня... куда-то. Куда? Зачем?

Семенчик молчал. Проненко смеялся. Дух вертел пальцем у виска и что-то шептал на ухо кому-то в толпе. Федька морщил лоб, приставив к нему указательный палец, и, кажется, крепко о чем-то задумался. Сонечкин сын катался по траве и стонал, а из-под распахнувшегося халата выглядывали белые семейные трусы и старческая кожа с незаживающими язвами на ней.

– Вы все – ненастоящие, – проговорил Шилов. – Хватит.

Они стали плавиться. Они уходили, уносились, растворялись в свинцово-сером небе, таяли, словно ведьмы из сказки, растворялись в несуществующем дожде. И Шилов понимал, что каждый их шаг: смерть Валерки, непрекращающиеся вечеринки, любовь Сонечки и все остальное, были направлены на то, чтобы он вошел в вертолет. Он только не знал, зачем им это понадобилось.

Плавилась трава под ногами, оборачиваясь в скучный серый камень, последний раз сжала его запястья Сонечка и оплавилась и исчезла тоже, превратившись в седое облачко, которое унеслось в серое небо. Дольше всех держалась громада вертолета; да она, кажется, и не собиралась исчезать, становилась больше и больше, светлела и загораживала солнце. Вскоре Шилов понял, что никакой это не вертолет, а вихрь, смерч, что протянулся от земли до неба. Шилов посмотрел на свои руки и увидел, что на них серебристого цвета перчатки. Он приподнял ногу и увидел, что на ней сапоги из странного материала, который повторяет контуры земли, и вспомнил название этих сапог на сленге космонавтов: морфы. В лицо ему ударил ветер, ядовитый воздух обжег легкие, и Шилов схватился за капюшон и натянул на голову. Капюшон превратился в гермошлем, и, растянувшись тонким слоем на голове Шилова, стал прозрачным и позволил Шилу свободно дышать. Он обернулся и увидел глянцевую черную летающую тарелку и сероглазого чужака, который улыбался, показывая на вихрь. Его лицо было изуродовано кровавыми стигмами, а грязные черные волосы развевались на ветру. На земле у ног чужака кровью было написано слово «раб».

– Ты силен, – сказал Шилов, и голос его звучал глухо. – Ведь прошло минут десять, так? А ты умудрился поместить в мою голову почти целую жизнь. Зачем весь этот цирк, чужак? Ты мог просто-напросто заставить меня войти в вихрь, и я бы погиб. Ты мог, но не сделал. Почему?

Чужак не отвечал. Чужак показал на слово, которое красным горело на сухой земле.

– Я знаю, что означает это слово! – крикнул Шилов.

Чужак покачал головой, а потом закрыл глаза, и не открывал их, сколько Шилов ни звал его.

Вихрь приближался. Ветер наседавал, как цепной пес, сбивал с ног, рычал и стонал, и Шилов почувствовал, что его захватывает, всасывает туда, в черную дыру, и сделал шаг, еще один и еще – прочь. Шилов пытался бежать, но не мог, и ему приходилось хорошенько постараться только для того, чтобы остаться на месте. Он вспотел от напряжения, а умная техника убрала капельки пота с кожи, и Шилов вспомнил, что не все еще способности скафандра

использовал. Он нащупал на правом бедре выступ, похожий на бородавку, и надавил на него. Наркотик-стимулятор проник в тело, и кровь горными ручьями побежала по жилам, и сам он побежал, а ветер пытался догнать, забрать его с собой, но у него ничего не получалось.

Сзади заскрежетало и зашумело, и Шилов обернулся, чтобы увидеть, как смерч пожирает черный летательный аппарат, курочит его, раскидывает запчасти по земле, а потом глотает их.

Шилов бежал, и с каждым шагом воспоминания возвращались к нему. Он вспомнил, кто он такой, вспомнил, на кого работает, и кто дал ему это проклятое задание. Шилов вспомнил, кто такая Сонечка, его «боевой» товарищ, работающий в том же ведомстве, что и он. Понял, что та, наведенная сероглазым (наведенная ли?) любовь осталась. Он вспомнил всех остальных и бежал быстрее, бежал от воспоминаний, как от чумы, потому что не знал, чего хочет больше – быть может, остаться и дожидаться смерча? Он не знал, какая жизнь лучше – искусственная, которую придумал за него сероглазый, или эта, настоящая.

Впереди нарастала громада корабля, на котором он прилетел, и люди в таких же серебристых скафандрах, как у него, бежали ему навстречу. Он упал им на руки, истощенный; они потащили его к кораблю, а он смотрел на свинцовое небо и пепельно-черные тучи, которые беспорядочно несло туда, в сторону смерча.

– Тучи не строим... – пробормотал Шилов и потерял сознание.

Глава восьмая

Шилов сидел в своей маленькой каюте, стены которой были обиты зеленым бархатом, и смотрел в иллюминатор на космос. Он знал, что космос этот ненастоящий, а видеозапись, но все равно смотрел, положив руки на столешницу, а голову на руки. Шилов попытался вычислить среди множества звезд желтого карлика, Солнце, но не смог и плюнул на это дело. Ему вспомнились слова программиста Проненко, который никогда не ходил с ними в бар после работы, который гаденько улыбался в ответ на все предложения. Как-то Проненко рассказал забавную байку: по его словам одна взбалмошная тетка решила покончить жизнь самоубийством. Была она весьма необразованна, и для процедуры выбрала космический корабль. Решила молотком разбить иллюминатор в своей каюте и выброситься в открытый космос. Проненко, хихикая, рассказывал, как тетка долбила видеоиллюминатор сначала у себя, а потом у соседей, которые отошли по надобности, как из-за нее полетела видеосистема туристического корабля, и кое-кто из пассажиров получил удар, увидев в иллюминаторе черноту, а кто-то и вовсе повредился в рассудке. История была забавная, но, вспоминая настоящего Проненко, Шилов не мог не думать и о том Проненко, из рая, наведенного чужаком, и ему становилось тошно.

Шилов достал из ящика стола пухлую книжицу в кожаном переплете, Библию, и стал читать, но никак не мог сосредоточиться, и отложил томик. Сзади зашумел мотор, но Шилов не обернулся, потому что знал, кто пришел.

Она подошла к нему и остановилась справа. Он оглянулся и увидел форменные синие брюки, отутюженные, с рубиновыми лампасами, синий мундир с блестящими серебряными пуговицами на обшлаге, лацканах и воротнике. Он посмотрел выше и увидел ее лицо, водянистые зеленые глаза и седые волосы.

– Привет, Соня, – поздоровался Шилов.

– Привет, Костя, – сказала она. Он понял, что Соня Плошкина взволнована: она мяла в руках берет и избегала глядеть на Шилова.

– С банкета только? – спросил он, улыбнувшись.

Она кивнула:

– Да. В новостях передали, что появление сероглазого было чревато известными... ну... последствиями. Но наши доблестные вояки его, чужака в смысле, ликвидировали... ну ты понимаешь.

– Понимаю.

– Почему не пришел на банкет? – спросила Соня.

Он промолчал.

– Что-то изменилось? – спросила она и коснулась его руки, Шилов вздрогнул от этого прикосновения, как от электрического разряда, но не подал виду. – Ты так странно посмотрел на меня, когда поднимался на борт...

– Как твой сын? – грубо перебил ее Шилов, и Соня, убрав руку, ответила сухо:

– Лечится, спасибо.

– С ним все будет хорошо, – сказал Шилов глухо. – Преждевременное старение излечивается.

– Я знаю.

– Ты умеешь играть на гитаре?

Плошкина удивленно посмотрела на него:

– Почему ты спрашиваешь?

– Умеешь?

– Немного... – Она замялась. – В студенческие годы выучилась.

– Ездили на речку, жгли костры?

– Нет. Мы на Луне обычно отдыхали, на море Дождей, там костры жечь негде, да и не зачем.

– Ясно. Соне... Соня!

– Да?

– Я забыл, – помявшись, сказал Шилов. – А в словарь лезть не хочу. Ты же знаешь язык сероглазых, да?

Она пожала плечами:

– Довольно неплохо. Все-таки я – переводчик, – она усмехнулась.

– У них есть иероглиф, который означает «раб». Но у него два значения, я запомнил, какое второе...

– «Те-ка-цтокл», – сказала Сонечка. – «Вера».

Шилов промолчал.

Она развернулась и вышла. Шилов клял себя за то, что упомянул ее больного сына, а потом снова сгорбился и опустил руки на столешницу, а голову – на руки, и смотрел на проплывающий мимо искусственный космос, и думал, что бы было, если б он поверил, всего-навсего поверил сероглазому, и сел в вертолет. Умер бы? Или нет? А если нет – то что? И что случилось со всеми теми, кто поверил чужаку и сел в вертолет, что произошло со всеми теми специалистами и солдатами, которые поверили в рай, дарованный чужаком, и вошли в смерч? Счастливы ли они? Счастлив бы стал он, если б сел в вертолет вместе с той, ненастоящей, но теплой и родной Сонечкой?

Шилов смотрел в иллюминатор и думал, что на Земле ему предстоит неслабая реабилитационная программа, что его станут мучить десятки психологов и ученых. Ему будут задавать вопросы, станут лечить, избавляя от последствия вторжения в его тело иноземного разума, и только через месяц или два он вернется в свой маленький домик в десяти километрах от Воронеза, на краю векового леса, выращенного генетиками ко дню столетия какой-то победы. Он будет рыбалить на берегу кристально-чистой речки, прочтет кучу бумажных книг, прислушиваясь краем уха к шуму дождя на улице, а если будет настроение, поболтает о том, о сем с домовым Афоней, который живет на чердаке. Меланхолик Афоня промолчит в ответ и продолжит как ни в чем не бывало вязать носки, а он будет говорить и говорить. Чаще всего он, наверное, будет упоминать Сонечку, и то, как благодаря чужаку выяснил, что любит ее. Он расскажет Афоне о том, что есть вера и есть бог. О том, что так и не понял: человек ли создал бога или бог – человека. Он будет говорить о многом, а потом, однажды, в передней зазвонит видеофон, и его вызовут в Управление. Там он встретится с Семенычем, Соней, Проненко и остальными, с месяц послоняется по коридорам Управления, а потом ему дадут новое задание.

Все это будет потом.

А сейчас – искусственный космос, стол и выключенный стереоэкран на нем, две койки на стенах, одна из которых аккуратно застелена, и шкаф, полный бумажных книг.

И чужие серые глаза, которые, кажется, отражаются в ненастоящем иллюминаторе.

– «Трагедия есть воспроизведение действия серьезного и законченного...» – пробормотал Шилов. – Кто это сказал, черт возьми? Не помню. Впрочем, ничего еще не кончено... отпуск, ёпт, что ли взять?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЧУЖАЯ БАЗА

Посвящается Джеку, который хотя бы пытался убежать от Великана.

Глава первая

Начальник сказал ему:

– Эти сероглазые... моя головная боль. И не только моя. Откуда у них такие силы? После того случая на Калитке они активизировались. Сообщения приходят со всех уголков галактики. Они корежат наш мир, меняют сами основы мироздания. Понимаешь? Главное, мы не можем их понять. Что, как и зачем они делают. Не смей улыбаться! Это серьезно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.